

ОЛИВИЯ МЭННИНГ
разграбленный город
балканская трилогия

**Опасное путешествие
по Европе военного
времени**
The Guardian

ad marginem

Балканская трилогия

Оливия Мэннинг

Разграбленный город

«Ад Маргинем Пресс»

1962

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)6-44

Мэннинг О.

Разграбленный город / О. Мэннинг — «Ад Маргинем Пресс»,
1962 — (Балканская трилогия)

ISBN 978-5-91103-647-8

Бухарест, 1940 год. Город замер в ожидании вторжения. Гай и Гарриет Прингл всё явственнее чувствуют угрозу своему положению. Гарриет ищет безопасности, а Гай смотрит на происходящее идеалистически и тем самым только усиливает ее страх. Когда в Бухарест входят немцы, супругам приходится разлучиться; Гарриет в отчаянной попытке обрести надежное убежище уезжает в Афины. Во втором романе «Балканской трилогии», своего заново открытого шедевра, Оливия Мэннинг преподносит нам драматичный и колоритный портрет города, охваченного бурей войны, и молодой пары, пытающейся сохранить свой брак под натиском бедствий.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-91103-647-8

© Мэннинг О., 1962
© Ад Маргинем Пресс, 1962

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	13
3	17
4	28
5	35
Часть вторая	51
6	51
7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Оливия Мэннинг

Разграбленный город

Посвящается Айви Комpton-Бернетт

Olivia Manning
The Spoilt City

© Olivia Manning, 1962

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2023

Часть первая Землетрясение

1

Из окна Германского бюро пропаганды исчезла карта Франции, вместо нее вывесили карту Великобритании. Все расслабились. Жаль, конечно, что следующей жертвой были их давние союзники, но ведь на их месте могли оказаться и сами румыны.

В конце июня в Бухарест пришла сухая, пыльная жара. Трава в парках пожухла. Под обжигающим дыханием ветра липы и каштаны пожелтели и начали сбрасывать листву, словно пришла осень. Каждое утро начиналось с ослепительно белого света, льющегося в комнаты сквозь щели в ставнях. Когда люди завтракали на балконах, воздух уже пах жарой. К полудню солнечный диск плавился и растекался по небу жидким серебром. Дороги мироточили гудроном, и воздух над ними дрожал.

Во второй половине дня горячий воздух скапливался между домами, и охряный смог казался осязаемым. Оглушенные жарой люди ложились спать. Когда конторы закрывались на обед, клерки набивались в трамваи, спеша домой, в затененные спальни. В пять, когда воздух еще был вязким, словно войлок, конторы открывались снова, но богачи и безработные бездействовали до самого вечера.

Вечером стало известно, что объявлен ультиматум. По улицам в закатных лучах праздно бродили гуляки.

Прохожие украдкой поглядывали на карту в окне Бюро пропаганды и гадали, сколько продержатся британцы. Когда стало известно о русском ультиматуме, про Британию тут же забыли.

Разумеется, требования ультиматума официально не сообщали. В вечерних газетах о них не было ни слова. Как обычно, власти пытались всё скрыть, но в Бухаресте невозможно что-либо утаить. Стоило Советскому Союзу только заикнуться об ультиматуме, как о нем уже сообщили иностранным журналистам в «Атенеуме»: Россия потребовала возвращения Бессарабии, а заодно и части Буковины, на которую вовсе не имела никаких прав. Срок ультиматума истек завтра в полночь.

Через несколько минут после того, как новость узнали в «Атенеуме», ее уже обсуждали на улицах, в ресторанах и кафе. Опасения мгновенно усилились, поскольку жители столицы вообще были склонны паниковать. Людей охватило смятение.

Тем вечером Гай Прингл, университетский преподаватель английского, сидел вместе со своей женой Гарриет в кафе «Мавродафни». Вдруг какой-то человек вошел в роскошный зал кафе и что-то неразборчиво крикнул. Посетителей тут же словно охватило безумие. Люди повскакивали со своих мест и стали горестно рыдать, жалуясь окружающим на происходящее. Во всем винили евреев, коммунистов, потерпевших поражение союзников, мадам Лупеску, короля и всеми презираемого камергера Урдэриану¹, – но в чем же их обвиняли?

Гарриет, худенькая брюнетка, за несколько месяцев, проведенных в разваливающемся на глазах румынском обществе, похудела еще сильнее; теперь она пугалась любого неожиданного события.

– Видимо, это немцы, – произнесла она. – Мы в ловушке.

¹ Эрнст Урдэриану (1897–1985) в правление Кароля II был министром двора и, наряду с Магдой Лупеску, ближайшим поверенным короля. – *Здесь и далее – примечания переводчика.*

Слухи о возможном вторжении немцев не утихали.

Гай попытался узнать, что происходит, у людей за соседним столиком. Распознав в нем англичанина, сосед разразился гневной речью по-английски:

– Во всем случившемся виноват сэра Стаффорд Криппс²!

– Так что же случилось?

– Он заставил русских забрать у нас Бессарабию!

– И украсть нашу Буковину, – вмешалась его спутница. – Наши прекрасные буковые леса!

Высокий и широкоплечий Гай имел добродушный и незлобивый вид; это впечатление еще усиливали очки. Он с обычным для себя дружелюбием заметил, что Криппс прибыл в Москву лишь сегодня утром и вряд ли бы успел заставить кого-либо что-либо сделать, но собеседник нетерпеливо отвернулся.

– Можно подумать, никто не ждал угрозы от русских, – заметила Гарриет.

Коммунистов и всё безбожное марксистское племя тут пугали сильнее, чем нацистов.

Услышав, что они говорят по-английски, какой-то пожилой мужчина вскочил на ноги и напомнил присутствующим, что Британия гарантировала безопасность Румынии. Теперь же Румынии грозит опасность – так что же будут делать британцы?

– Ничего! С ними покончено! – в ярости воскликнул он и сделал выпад в сторону Принглов своим чесучовым зонтиком.

Гарриет с опаской огляделась. Десять месяцев назад, когда она только приехала в Бухарест, британцев здесь уважали; теперь же, когда их родина проигрывала, отношение к ним переменилось. Она подумала было, что всё кафе набросится на них, но ничего не произошло. По отношению к некогда великой державе, которую теперь считали обреченной, всё же испытывали определенную признательность.

Не желая уходить и тем самым выказывать свой страх, супруги продолжили сидеть посреди всеобщего гомона, тон которого неожиданно изменился. Один из присутствующих вдруг встал и заговорил так тихо, что уже этим привлек общее внимание. Не преждевременны ли их страхи, спросил он. В самом деле, Британия уже ничем не может помочь Румынии, но остается же Гитлер. Король недавно заявил о смене курса. Теперь он может обратиться за помощью к немцам. Когда фюрер узнает об этом ультиматуме, он принудит Сталина отозвать его.

В самом деле! Крики утихли. Люди успокоенно кивали. Те, кто паниковал больше всех, тут же преисполнились бодрости и надежды. Те, кто жаловался громче других, теперь во всеуслышание заявляли о своей уверенности в благополучном исходе. Ничего еще не потеряно. Гитлер защитит их. В кои-то веки король стал всеобщим героем. Страна давно уже страдала от его интриг, но теперь ему аплодировали. Он как нельзя вовремя заявил о верности Германии. Сомневаться не приходилось: он спасет свою страну.

Эта внезапная эйфория охватила всех столь же стремительно, как до этого паника. Супруги шли домой сквозь толпы людей, которые поздравляли друг друга так, словно только что выиграла войну. Однако на следующее утро с севера потянулись автомобили беженцев. Серые от пыли, увешанные тюками, они напоминали польские автомобили, которые прибывали в Бухарест десятью месяцами ранее.

В столицу съехались немецкие землевладельцы из Бессарабии, которые бежали, получив предупреждение от германской миссии. Они боялись не русских, но местных крестьян, которые их ненавидели. С появлением немецких помещиков всех снова охватила тревога: ведь если кто и знал что-то о намерениях Гитлера, так это они.

² Ричард Стаффорд Криппс (1889–1952) – британский политик. Во время описываемых событий был послом Великобритании в СССР.

Окна квартиры Принглов выходили на главную площадь. Утром люди стали собираться на ней, молча глядя на королевский дворец.

Князь Якимов, англичанин русского происхождения, которого Гарриет нехотя терпела в качестве постояльца, вернулся из своего любимого заведения, Английского бара, и сообщил:

– Все полны оптимизма, дорогая моя. Уверен, что решение скоро будет найдено.

Поев, он мирно уснул.

Гай надзирал за летними экзаменами и не пришел домой обедать. Днем Гарриет то и дело выходила на балкон и видела, что толпа всё так же стоит под палящим солнцем. Сиеста была традиционным временем для занятий любовью, но сейчас никто не хотел ни сна, ни любви. Официального подтверждения ультиматума так и не поступило, но все знали, что король созвал совет. Министров в их белых мундирах было видно издалека – все видели, как они прибыли во дворец.

Прямо под балконом Гарриет стояла маленькая византийская церковь с золотыми куполами и крестами, увешанными бусинами. Ее дверь то и дело скрипела: в это нелегкое время люди шли помолиться.

Вокруг церкви стояли полуразрушенные дома, которые забросили, когда война положила конец королевским «реновациям». За ними простиралась палимая солнцем площадь, где собиралась толпа, и дворец, где сновали чиновники. За дворцовой оградой скопилось столько автомобилей, что новоприбывшие вынуждены были останавливаться снаружи.

Гарриет чувствовала, как пахнут ее нагретые солнцем волосы. Жара давила на голову, но она всё же продолжала стоять на балконе, наблюдая за тем, как по мостовой шагает крестьянин, торгующий курами. На коромысле у него висели две клетки с живыми птицами. Каждые несколько минут он поднимал голову и издавал вопль наподобие куриного. С какого-нибудь из балконов его окликал слуга, который затем спускался на улицу. Продавец и покупатель вместе осматривали кур, вытягивая им крылья и тыкая в грудки. Когда выбор был сделан, под истошное кудактанье и хлопанье крыльев птице сворачивали шею.

Гарриет ушла в комнату. Когда она вернулась на балкон, торговец сидел на ступенях церкви. Курица была ощипана; ступени усыпаны перьями. Перед тем как отправиться дальше, он укрыв клетки мешковиной, чтобы защитить птиц от солнца.

В пять часов толпа зашевелилась: клерки возвращались в свои конторы. Через некоторое время заголосили газетчики, и все словно ожили. Гарриет поспешила вниз, чтобы узнать последние новости. Люди обступили продавцов, выхватывая у них газеты и жадно их листая. Один из мужчин долистал до последней страницы, отшвырнул газету и принялся яростно ее топтать.

Гарриет испугалась, что Бессарабию действительно сдали, но газетные заголовки гласили, что принц сдал экзамены на бакалавра с оценкой 98,9 балла из ста возможных. Король, бледный и взволнованный, вышел из зала заседаний, чтобы поздравить сына. Повсюду звучало гневное «bacalauteat», «printul», «gegeul»³, но новостей из Бессарабии не было.

Закатные лучи окрасили небо в алый и лиловый, и люди на площади начали терять терпение. Время шло. Толпа состояла преимущественно из рабочих. Вечером к ним присоединились женщины; их легкие одежды поблескивали в сумерках. Когда повеяло вечерней прохладой, на променад вышли богатые румыны. Хотя обычно они гуляли по Каля-Викторией и Королевскому бульвару, сегодня их как магнитом тянуло на площадь.

Когда Гай вернулся из университета, Гарриет предложила побыстрее поужинать и пойти узнать, что происходит.

Встретив на улице знакомых, они выяснили, что король обратился к Гитлеру, который пообещал вмешаться до истечения срока ультиматума. Все вновь преисполнились надежды.

³ Бакалавр, принц, король (рум.).

Король и министры ждали вестей. Поговаривали, что король заявил: «Мы должны верить фюреру, он не оставит нас в беде».

Темнело. Во дворце прогудел рог. В ответ кто-то на площади запел национальный гимн, другие подхватили его, но редкие голоса звучали слабо, неуверенно и вскоре утихли. Во дворце зажегся свет. Кто-то принялся звать короля. Толпа подхватила, но король так и не вышел.

Взошла луна, большая и голая, и повисла над городом. Беспреданно хлопали дверцы автомобилей: люди приезжали во дворец и уезжали прочь. Среди новоприбывших заметили женщину. Тут же стали утверждать, что это мадам Лупеску: на нее было совершено покушение, она сбежала из своего особняка на проспекте Вульпаче, чтобы просить защиты у короля.

Все оживились с появлением Антонеску – гордеца, который впал в немилость после того, как поддержал лидера «Железной гвардии». Поговаривали, что перед лицом кризиса генерал умолил короля дать ему аудиенцию. На площадь стянулись журналисты. Теперь-то уж точно должно что-то произойти. Но нет – вскоре генерал покинул дворец.

Когда супруги вновь оказались у «Атенеума», Гай предложил зайти выпить. В этом заведении мгновенно становились известны все новости.

Перед гостиницей толпились автомобили из Бессарабии, многие по-прежнему увешанные тюками и чемоданами, скатанными коврами и мелкими предметами мебели. В вестибюле гостиницы, залитом ослепительным сиянием люстр, было свалено еще больше тюков и чемоданов. Пробираясь мимо них, супруги лицом к лицу столкнулись с бароном Штайнфельдом, который обыкновенно проводил больше времени в Бухаресте, чем в своем поместье в Бессарабии. До того Принглы видели его всего лишь раз и были удивлены, когда он обратился к ним. Ранее он казался им обаятельным человеком, но теперь в нем не было ни следа прежнего очарования. Покрасневшее, искаженное горем лицо, оскаленные зубы – казалось, что слова мучительно выпадают из него:

– Я потерял всё. Всё! Мое поместье, мой дом, яблоневый сад, серебро, мейсенскую утварь, обюссонские ковры⁴. . . вы и представить себе не можете, сколько всего. Видите все эти чемоданы? Людям повезло, они успели всё вывезти. Но я-то был здесь, в Бухаресте, так что потерял всё. Зачем вы, англичане, сражаетесь с немцами? Деритесь с большевиками. Объединитесь с немцами, это достойные люди, и вместе вы сможете одолеть этих русских свиней, которые всё у меня отняли. . .

Потрясенный произошедшей с бароном переменой, Гай не знал, что и сказать.

– Бессарабия еще не потеряна, – начала было Гарриет, но растерянно умолкла.

Барон разрыдался.

– Я даже собачку свою потерял, – произнес он сквозь слезы.

– Мне очень жаль, – сказала Гарриет, но барон поднял руку, заранее отказываясь от всякого сочувствия. Он нуждался в действии.

– Мы должны сражаться. Вместе мы уничтожим русских. Не будьте глупцами. Присоединяйтесь к нам – пока не слишком поздно.

На этой драматической ноте он распахнул дверь и вышел.

В вестибюле было пусто. Даже администратор ушел поглазеть на события на площади, но из соседнего зала доносилась английская речь.

В баре – в том самом знаменитом Английском баре – вплоть до предыдущего месяца заседали британцы и их компаньоны. Врагов сюда не пускали. Затем, в день падения Кале, в бар пришла толпа немецких чиновников, журналистов и дельцов и захватила его. Единственные англичане, присутствовавшие при этом, – Галпин и его приятель Скрюби – спасовали перед ликующей, бесцеремонной толпой и укрылись в гостиничном саду. Теперь они вернулись.

⁴ Во французской деревне Обюссон производились ковры особо искусной работы; их приобретали аристократы и члены королевских домов.

Галпин был одним из немногих журналистов, которые постоянно обитали в Бухаресте. Он работал на новостное агентство, жил в «Атенеуме» и редко покидал его, а чтобы быть в курсе происходящего, нанял румына, который охотился за новостями. Остальные журналисты в баре съехались из столиц соседних стран, чтобы освещать положение дел в Бессарабии.

Завидев Принглов, Галпин тут же принялся рассказывать, как он вошел в бар во главе новоприбывших и крикнул бармену: «Водки, товарищ!»

Неизвестно, как обстояло дело в действительности, но теперь он пил виски. Позволив Гаю угостить себя добавкой, Галпин глянул в сторону приунывших немцев, забившихся в угол, и поднял тост за объявленный ультиматум – «пощечину чертовым бошам». Очевидно, он воспринимал произошедшее как триумф Британии.

Гарриет подумала, что на самом-то деле поражение потерпели как раз страны-союзники. Они потворствовали румынскому захвату российской провинции в 1918 году, а теперь, в 1940-м, Россия потребовала эту провинцию обратно именно из-за их слабости.

Она попыталась заговорить об этом, но ее тут же перебил старый Мортимер Тафтон. Равнодушно глядя куда-то поверх ее головы, он отрезал:

– Парижская мирная конференция не признала аннексию Бессарабии.

Тафтон был видной фигурой на Балканах: в честь него, например, назвали улицу в Загребе. Считалось, что он чувствует, что должно произойти, и оказывается на месте событий заранее. Образованный, холодный человек, он намеренно держался так, чтобы окружающие трепетали перед ним, и, очевидно, привык, что к нему относятся с почтением, – но Гарриет было не так просто сбить с толку.

– Вы хотите сказать, что Бессарабия на самом деле не была частью Великой Румынии?

Ей удалось придать своему голосу уверенности. Тафтон, не желая снисходить до подобной дерзости, к тому же исходящей от женщины, равнодушно ответил: «Возможно» – и отвернулся.

Гарриет не поверила ему, но ей не хватало знаний, чтобы спорить, и она повернулась к Гаю в поисках поддержки. Тот заявил:

– Советский Союз не признал Бессарабию частью Румынии. Их притязания полностью оправданны.

Воодушевленный неожиданной популярностью страны, в которую он так верил, Гай добавил:

– Вот увидите, Россия еще выиграет для нас эту войну!

Тафтон хохотнул.

– Может, и выиграет, – сказал он, – да только не для нас.

Для журналистов это было уже слишком. Мысль о том, что Россия вообще может выиграть войну, тем более эту, казалась им чересчур нелепой. Один из присутствующих, бывавший в Хельсинки, стал подробно рассказывать о «финском фиаско». Потом Галпин заявил, что хваленая сила советского оружия – это блеф, и описал, как во время испанской войны его знакомый врезался в советский танк, а тот сложился, точно картонный.

– Чепуха, – заявил Гай. – Старая басня. С ней носились все халтурщики от журналистики, которые не знали, о чем писать.

Почувствовав, что его идеалы атакуют, он утратил всякую кротость и перешел к обороне. Для Гарриет его идеалы были чересчур политическими и безличными, но она готова была поддержать мужа. Однако Галпин всего лишь пожал плечами, всем своим видом демонстрируя, что ему всё это кажется неважным.

Не успел Гай снова заговорить, как в беседу вмешался Мортимер Тафтон, неготовый терпеть домыслы неопытных юнцов. Он изложил историю отношений России и Румынии, подчеркивая, что только влияние союзных стран помешало России поглотить Балканы. Россия, ска-

зал он, восемь раз вторгалась в Румынию, если не считать ряда «дружественных оккупаций», которые до сих пор не забыли и не простили.

– Суть в том, – подытожил он, – что дружба России оказалась для Румынии куда разрушительнее, чем вражда остального мира.

– Это была царская Россия, – заметил Гай. – Советский Союз – совсем другое дело.

– Но нация-то та же. Взять хотя бы недавний пример оппортунизма.

Поймав на себе взгляд Тафтона – надменный, презрительный, Гарриет вознамерилась одержать над ним верх.

– Скажите, а кому бы отдали Бессарабию вы? – спросила она с улыбкой.

– Хм! – Тафтон отвернулся с такой гримасой, словно разжевал незрелую хурму, но затем смягчился и задумался над ее вопросом. – Россия, Турция и Румыния ругались из-за этой провинции больше пяти веков. Россия заполучила ее в 1812 году и держалась за нее вплоть до 1918-го. Надо сказать, что они владели ей дольше, чем кто бы то ни было, так что, если подумать... – Он сделал паузу, вновь хмыкнул и триумфально заявил: – Я бы отдал ее русским.

Гарриет улыбнулась Гаю, как бы отдавая все лавры ему, и Галпин кивнул, подтверждая их победу.

Узкое, смуглое лицо Галпина складками нависло над воротником рубашки. Облокотившись на барную стойку, он испытывал мрачное довольство от возвращения к привычному положению и то и дело оглядывался в поисках аудитории. Белки его глаз желтизной могли поспорить с виски в бокале. Желтое запястье, косточка на котором набухла так, что напоминала куриное яйцо, торчало из мятого рукава пепельно-серого костюма. Забытый мокрый окурок прилип к пухлой лиловой губе и покачивался, когда журналист говорил.

– Русские, конечно, полезли на рожон, затребовав Бессарабию после того, как Кароль объявил о верности гитлеровской Германии.

– Видимо, это объявление их и подстегнуло, – предположил Гай. – Они заявили свои требования, пока немцы не успели набрать здесь силу.

– Возможно, – с загадочным видом сказал Галпин. Он предпочитал строить теории самостоятельно. – Но всё же они полезли на рожон.

Он оглянулся на Тафтона в поисках одобрения, а получив его, хмыкнул, словно соглашаясь с самим собой, и продолжил:

– Если немцы на них нападут, я русским и десяти дней не дам.

Пока они обсуждали военный потенциал России, в который верил только Гай, к ним подобрался какой-то неопрятный человечек в сером, прижимающий к груди фетровую шляпу, и толкнул Галпина. Это был его агент, который зарабатывал тем, что вынюхивал новости и продавал одну их версию немецким журналистам в «Минерве», а другую – англичанам в «Атенеуме».

Галпин нагнулся, и агент что-то зашептал ему на ухо. Галпин с интересом его выслушал. Все надеялись узнать, в чем дело, но журналист не спешил. С сардонической ухмылкой он вытащил пачку засаленных купюр и выдал агенту сумму, которая в пересчете равнялась шести пенсам. Тот благоговейно принял гонорар. Галпин оглядел собравшихся.

– Долгожданные вести прибыли, – сказал он наконец.

– Какие же? – нетерпеливо спросил Тафтон.

– Фюрер попросил Кароля уступить Бессарабию.

– Ха! – воскликнул Тафтон, всем своим видом демонстрируя, что этого он и ожидал.

– Пришло требование? – спросил компаньон Галпина Скрюби.

– Не просто требование, – ответил Галпин. – Это приказ.

– Значит, решено, – мрачно сказал Скрюби. – Что ж, потасовки не будет?

Тафтон фыркнул.

– Румыния в одиночку против России? Никоим образом. Единственной их надеждой была поддержка Германии. Но Гитлер не хочет воевать с Россией – во всяком случае, за Бессарабию.

Покончив с выпивкой, журналисты пошли к телефонам. Никто не торопился. Новости были плохие. Румыния сдавалась без боя.

Выйдя на улицу, Принглы были поражены тишиной. Все уже знали о приказе Гитлера, но никакого протеста не последовало. Если кто-то и выразил свое недовольство, оно уже стихло. Атмосфера была вялая. Перед дворцом всё еще стояло несколько человек, словно надеясь на что-то, но большинство молча разошлись, признав, что уже ничем не поможешь.

После долгих часов ожидания эти новости, казалось, принесли не только разочарование, но и облегчение. Как бы то ни было, жизнь в Бухаресте могла продолжиться. Не было нужды идти сражаться.

На следующий день газеты постарались представить произошедшее в наилучшем свете. Румыния согласилась уступить Бессарабию и Северную Буковину, сообщили они, но Германия обещала, что после войны все провинции будут возвращены. Пока что страна подчинилась приказу фюрера и пожертвовала собой, чтобы сохранить мир в Восточной Европе. Это была моральная победа, и офицерам, выводившим солдат с потерянных территорий, следовало держаться гордо.

Флаги приспустили. Кинотеатрам приказали закрыться на три дня в знак всеобщего траура. Прошли слухи, что румынские офицеры, хлынувшие на юг, побросали своих людей, оружие и даже свои семьи в ходе панического отступления перед русскими. К концу июня Бессарабия и Северная Буковина отошли Советскому Союзу.

Когда Принглы пришли в Английский бар в следующий раз, Галпин заявил:

– Вы понимаете, что теперь до русской границы меньше ста двадцати миль? Эти ублюдки могут оказаться тут в мгновение ока!

2

Гарриет надеялась, что после окончания семестра они смогут отправиться куда пожелают. Ей хотелось сбежать отсюда, пусть даже на несколько недель, – и от городских тревог, и от нестабильности. Ей даже думалось, что они могли бы совсем уехать из Румынии. От Констанцы до Стамбула ходили лодки, а из Стамбула можно было попасть в Грецию. Воодушевленная, она рассказала о своих планах мужу, но тот ответил:

– Боюсь, я сейчас не могу уехать. Инчкейп попросил меня устроить летнюю школу. Да и вообще, он считает, что нам сейчас нельзя покидать страну. Это произведет дурное впечатление.

– Нельзя же оставаться на лето в Бухаресте!

– В этом году можно. Люди боятся уезжать. Вдруг что-то случится, и они не смогут вернуться? Между прочим, ко мне записалось уже двести студентов.

– Румын?

– Есть и румыны. Много евреев. Они очень лояльны.

– Дело не только в лояльности. Они хотят сбежать в англоговорящие страны.

– Сложно их в этом винить.

– Я их и не виню, – сказала Гарриет, которой на самом деле очень хотелось обвинить хоть кого-нибудь. Возможно, самого Гая.

Узнав мужа поближе, она стала смотреть на него критически. Десять месяцев назад, когда они только поженились, она принимала его безоговорочно, видя в нем исключительно добродетели. Когда Кларенс назвал Гая святым, Гарриет и в голову не пришло запротестовать. Возможно, она бы не стала протестовать и сейчас, но теперь ей было ясно: по крайней мере частично эта святость была замешена на человеческих слабостях.

– Что-то мне не верится, будто эту школу задумал Инчкейп, – сказала она. – Его уже не интересует ваша кафедра. Мне кажется, ты сам всё устроил.

– Мы договорились с Инчкейпом. Он тоже считает, что нехорошо летом отдыхать, пока другие сражаются.

– А чем займется сам Инчкейп? Помимо того, что будет сидеть в Бюро и читать Генри Джеймса?

– Он уже немолод, – сказал Гай, отказываясь принимать критику как в свой адрес, так и в адрес своего начальника. С тех пор как Инчкейп, будучи профессором, возглавил Британское бюро пропаганды, Гай руководил английской кафедрой с помощью трех пожилых дам, бывших гувернанток, и Дубедата, учителя младшей школы, которого привела на Балканы война. Энтузиазм Гая не угасал, и он делал куда больше, чем от него ожидали; но командовать им было невозможно. Он делал что хотел, и двигало им, подозревала Гарриет, стремление хоть как-то контролировать окружающую действительность.

Во время падения Франции он полностью погрузился в постановку «Троила и Крессиды». Теперь их румынские знакомые стали избегать их, и он занялся своей летней школой. Он не просто будет слишком занят, чтобы заметить их одиночество, – у него не хватит времени даже подумать об этом. Ей хотелось обвинить его в эскапизме, но ведь он, судя по всему, готов смотреть в лицо в опасности, готов стать мучеником. Это ей хотелось сбежать отсюда.

– И когда начинается эта школа?

– На следующей неделе.

Он рассмеялся над ее недовольством и приобнял ее:

– Не смотри так мрачно. До осени обязательно куда-нибудь выберемся. В Преद्याл⁵, например.

Она согласно улыбнулась, но, оставшись в одиночестве, тут же направилась к телефону. Она нуждалась в утешении и позвонила единственной знакомой англичанке своего возраста – Белле Никулеску, обычно ничем не занятой и всегда готовой поболтать. Тем утром, однако, Белла сказала, что не может говорить, что наряжается к обеду, и пригласила Гарриет зайти потом на чай.

Дождавшись пяти часов, Гарриет отважилась нырнуть в уличную жару. В это время здания уже начали отбрасывать небольшую тень, но на бульваре Брэтиану, где жила Белла, все дома снесли, чтобы возвести многоквартирные высотки, однако до войны успели построить всего несколько. Среди выжженных пустырей не было никакого укрытия от зноя.

Летом здесь ночевали нищие и безработные крестьяне, и под палящими лучами солнца из пропитанной мочой земли выпаривался своеобразный аромат – мутный, сладковатый, переменичивый.

Дом Беллы возвышался над бульваром, словно корабль. Один из нищих смастерил у его подножия хижинку, где торговал овощами и сигаретами. Дремавшие в тени хижины попрошайки при виде Гарриет попытались подняться и что-то неуверенно заныли. Один из них оказался знакомым: она встретила его в свой первый день в Бухаресте. Тогда скандальный и настырный бродяга предъявил ей свою изъязвленную ногу и отказался довольствоваться предложенной милостыней. В те времена она боялась нищих, особенно этого. После трехдневного путешествия к восточной границе Европы она увидела в нем дурное предзнаменование своей судьбы, ожидавшей ее в этом странном полувосточном городе, куда привело ее замужество.

Гай тогда сказал, что ей придется привыкнуть к нищим, и в некотором роде она действительно привыкла. Она даже смирилась с этим конкретным бродягой – а он смирился с ней и принял несколько мелких монет, которые получил бы от любой румынки, с неудовольствием, но без протеста.

Запахи бульвара не проникали в дом, воздух в котором кондиционировался. Попав в эту прохладную, дистиллированную атмосферу, Гарриет ощутила, как в голове у нее проясняется, и с нежностью подумала о Белле, на компанию которой могла рассчитывать на протяжении всего этого пустого лета. Она с удовольствием предвкушала их встречу, но стоило ей войти в гостиную, как стало ясно: что-то не так. Было настолько очевидно, что ей не рады, что она замерла в дверях.

– Садитесь же, – раздосадованно сказала Белла, как будто Гарриет допустила бестактность, ожидая приглашения.

Присев на краешек голубого дивана, Гарриет заметила:

– Здесь такая чудная прохлада. На улице, кажется, жарче прежнего.

– Что ж вы хотели? Сейчас июль.

Белла позвонила в колокольчик и нетерпеливо уставилась на дверь, словно не зная, что еще сказать гостье.

Вошли служанки: одна с чаем, другая с пирожными. Белла наблюдала за ними, недовольно хмурясь. Гарриет растерянно молчала, не зная, о чем говорить. Вдруг ее взгляд упал на вечернюю газету, которая лежала рядом. Когда девушки вышли, она заметила:

– Значит, суд над Дракером всё же состоится?

Белла склонила голову.

– Как по мне, пусть хоть сгниет там. Притворялся, что поддерживает Британию, но курс держал в пользу Германии. Многие считают, что его банк разрушал страну.

⁵ Преद्याл – самый высокогорный румынский город, популярный курорт.

Она говорила раздраженно, но напыщенно, и Гарриет вспомнилось их первое чаепитие, когда Белла, подозревая в ней не то богатство, не то знатное происхождение, пыталась поразить гостью своей светскостью. Постепенно, однако, Белла успокоилась и продемонстрировала горячую любовь к сплетням и скабрёзностям, и Гарриет в своем одиночестве привязалась к ней. Теперь же ее подруга восседала в неестественной позе, словно классическая статуя, вновь укрывшись за своим лучшим чайным сервизом. По неизвестной причине они вновь вернулись к тому, с чего начинали.

– Я один раз встречалась с Дракером, – сказала Гарриет. – Его сын учился у Гая. Очень гостеприимный человек, очень обаятельный.

Белла хмыкнула:

– Семь месяцев в тюрьме вряд ли пошли на пользу его обаянию!

Ей так хотелось продемонстрировать свою осведомленность, что она устроилась поудобнее и многозначительно кивнула.

– Как и все красавцы, он был большим бабником. Это его и сгубило. Если бы Мадам не сочла его легкой добычей, то не попыталась бы выманить у него нефть. Его отказ она восприняла как личное оскорбление. Пришла в ярость. Как и любая женщина. Поэтому она нажаловалась Каролю, а тот увидел шанс получить его деньги и выдумал это обвинение в незаконном обороте валюты. Дракера арестовали, а его семья сбежала.

Гордая своим изложением истории падения Дракера, Белла расплылась в улыбке. Почувствовав, что атмосфера смягчилась, Гарриет спросила:

– Как вы думаете, что с ним теперь будет?

– Его сочтут виновным, тут и думать нечего. Нефти он лишится, конечно, но у него припрятано немало средств в Швейцарии. Кароль не может до них добраться, так что если Дракер отдаст эти деньги, то легко отделается. Румыны не звери, знаешь ли.

– Но Дракер не может отдать эти деньги, – сказала Гарриет. – Они записаны на сына.

– Кто вам это сказал? – резко спросила Белла, и Гарриет пожалела, что вообще заговорила: она не могла раскрыть свой источник информации.

– Где-то слышала. Гай был очень привязан к Саше. Хотел узнать, что с ним.

– Он наверняка сбежал вместе с семьей.

– Нет. Его забрали, когда арестовали отца, но он не в тюрьме. Никто не знает, где он. Просто исчез.

– Надо же!

Белла привыкла выступать авторитетом по всем румынским вопросам, и рассуждения подруги тут же ей прискучили. Почувствовав это, Гарриет решила заговорить о том, что всегда вызывало интерес Беллы.

– Как поживает Никко?

Как и большинство румын, Никко состоял на военной службе и часто уезжал. Его свобода покупалась на деньги Беллы.

– Его снова вызвали, – мрачно сказала она. – Все перепугались из-за Бессарабии.

Раньше Гарриет слышала бы эту новость еще с порога, и Белла жаловалась бы битый час.

– А где он сейчас?

– На венгерском фронте. Чертова линия Кароля, – не то чтобы там была какая-то линия, конечно. Очень она поможет, если придут мадьяры.

– Но вы же сможете его вызволить?

– Ну конечно. Придется снова раскошелиться.

Белла вновь умолкла, и Гарриет, чтобы хоть как-то поддержать беседу, заговорила о том, как изменилось отношение румын к англичанам.

– Они ведут себя с нами как с врагами. Причем врагами поверженными, жалкими.

– Не замечала такого, – ответила Белла сухо. – Но я, конечно, в ином положении.

Последовало долгое молчание. Гарриет утомили попытки достучаться до Беллы, и она сказала, что хочет пройтись по магазинам. Казалось бы, Белла должна была испытать облегчение, но вместо этого подруга посмотрела на Гарриет встревоженно, словно между ними остался какой-то нерешенный вопрос.

Они вышли в холл, и Гарриет в качестве последней попытки предложила, как обычно, выпить кофе в «Мавродафни».

– Может быть, завтра утром?

Белла ухватила своей пухлой белой рукой за нитку жемчуга и уставилась на клетчатый мраморный пол.

– Не знаю, – сказала она, трогая черный квадрат носком белой туфельки. – Всё сложно. Зная, что у Беллы нет никаких дел, Гарриет нетерпеливо спросила:

– Что здесь сложного? Что происходит, Белла?

– Ну... – Белла сделала паузу, задумчиво водя туфелькой. – Я же англичанка, замужем за румыном. Мне надо быть осторожной. Надо же думать о Никко.

– Ну разумеется.

– Мне кажется, нам лучше не появляться в «Мавродафни» вместе. И звонки пока что лучше прекратить. Мой телефон могут прослушивать.

– Это невозможно. Здесь же британская телефонная компания.

– Но там работают румыны. Вы не знаете эту страну так, как знаю ее я. Любой предлог – и они арестуют Никко, просто чтобы получить за него выкуп. Так вечно происходит.

– Мне не кажется... – начала Гарриет и умолкла, видя, как жалобно смотрит на нее Белла. – Но мы же как-нибудь повидаемся?

– Обязательно, – кивнула Белла. – Обещаю. Но мне надо быть осторожной. Зря я играла в «Троиле». Это было своего рода декларацией.

– Чего? Того, что вы англичанка? Все и так это знают.

– Я бы не была так уверена. – Белла отодвинула ногу. – Румынский у меня почти идеальный. Все так говорят.

Она подняла порозовевшее лицо и с вызовом уставилась на Гарриет.

Полгода и даже три месяца назад Гарриет отнеслась бы к этим страхам с презрением, но теперь ей стало жаль Беллу. Возможно, скоро англичане будут вынуждены уехать, и Белла останется здесь без единого соотечественника. Она вынуждена готовиться к этому времени. Гарриет коснулась ее руки:

– Понимаю. Не беспокойтесь, вы можете мне доверять.

Белла смягчилась, выпустила бусы и накрыла руку Гарриет своей.

– Я обязательно к вам зайду, – сказала она. – Вряд ли меня кто-то заметит. Не могут же они лишить меня друзей.

3

Тем же вечером супруги по пути в парк Чишмиджиу встретили Кларенса Лоусона.

Кларенс был не из чиновников: Британский совет направил его на английскую кафедру местного университета, а когда началась война, он вместе с Инчкейпом перешел в Бюро пропаганды. Когда работа – или, вернее, отсутствие работы – прискучила ему, он занялся помощью полякам и организовал вывоз интернированных польских солдат.

– Мы собираемся выпить в парке, – сказал ему Гай. – Присоединитесь?

Кларенс был таким же высоким, как и Гай, но заметно более тонким. Печально ссутулившись, он обдумывал это предложение, с сомнением отирая узкое лицо рукой.

– Не знаю, получится ли... – ответил он и чуть отклонился, словно его уже манили куда-то срочные дела.

– Ну давайте, Кларенс, – подбодрила его Гарриет. – Прогулка пойдет вам на пользу.

Кларенс искоса глянул на нее и что-то пробормотал о работе. Гарриет рассмеялась. Прекрасно понимая, что его тянет к ней, она взяла его под руку и повела по Каля-Викторией.

– Ну ладно, ладно, – протянул он, – только ненадолго.

Они шли сквозь толпу, которая явно смирилась с потерей Бессарабии и пребывала в прекрасном настроении. Гарриет уже привыкла к тому, как быстро оправляется от несчастий этот народ, переживший восемьсот лет притеснений и более дюжины завоеваний. Теперь люди выглядели чуть ли не довольными.

– Они как будто что-то празднуют, – заметила она.

– Может, и так, – ответил Кларенс. – Новый кабинет отказался от англо-французской гарантии. Новый министр иностранных дел раньше возглавлял «Железную гвардию». Поэтому теперь они определились. Всецело преданы Гитлеру и ждут его защиты. Думают, что худшее уже позади и... – он показал на заголовок в газете *Bukarester Tageblatt*⁶, который гласил: «FRIEDEN IM HERBST»⁷, – что с войной тоже покончено.

У ворот парка он остановился, бормоча, что ему в самом деле пора, но Принглы двинулись дальше, не обращая внимания на его слабые возражения, и он пошел за ними следом.

Войдя с модных улиц в немодный парк, они из суматохи переместились в атмосферу покоя. Уличный шум стих, тишину нарушало только шипение оросителей. В воздухе сладко пахло мокрой землей. Здесь было всего несколько крестьян, которые восхищались *tapis vert*⁸. В такую жару цвели только канны, и в их пылающих алых и желтых цветках отражалось закатное небо.

Под каштанами у пруда, как обычно, скромно стояли торговцы рахат-лукумом и кунжутным печеньем. По небольшому пирсу можно было пройти к кафе, где обычно сидели приказчики и мелкие клерки. Здесь Гай договорился встретиться со своим другом Дэвидом Бойдом.

Пройдя по неверным доскам на искусственный островок, Гарриет увидела, что Дэвид уже сидит за столиком вместе с еврейским экономистом по фамилии Кляйн.

Гай и Дэвид познакомились в 1938 году, когда оба впервые приехали в Бухарест. Дэвид, изучавший балканскую историю и языки, хотел увидеть Румынию. Следующей зимой он вернулся: его отправили в Британскую миссию в качестве специалиста по румынским делам. Будучи ровесниками, Гай и Дэвид были похожи и внешне; кроме того, оба верили, что марксизм – единственное спасение для пострадавшей от неумелого феодального правления Восточной Европы.

⁶ *Bukarester Tageblatt* – немецкая газета, выходившая в Румынии вплоть до окончания Второй мировой войны.

⁷ Перемирие в августе (нем.).

⁸ Газон (букв. зеленый ковер) (франц.).

Завидев супругов, Кляйн вскочил на ноги и двинулся к ним с распростертыми объятиями. Принглы лишь дважды виделись с ним, тем не менее Гай, словно обрадованный медведь, тут же сгреб коренастого розовощекого человечка в охапку, и они любовно похлопали друга друга по спине. Наблюдая за этим приветствием, Дэвид ухмыльнулся.

Когда Кляйна отпустили, он восторженно повернулся к Гарриет, чтобы поприветствовать и ее. При этом он залился румянцем до самой лысины.

– И госпожа *Прингаль*! – воскликнул он. – Ну до чего же хорошо!

Он попытался присоединить ко всеобщему ликованию и Кларенса, но тот отшатнулся, неловко улыбаясь.

– Как хорошо, ну как *хорошо*! – повторял Кляйн, приглашая Гарриет занять его место у перил.

Вечер был жаркий. Гай нес свой хлопковый пиджак в руке и даже небрежно закатал рукава рубашки, что среди румын считалось крайне неприличным. Завсегдатаи кафе – потрепанные, потные и недалеко ушедшие от своих крестьянских предков – застегнули темные костюмы на все пуговицы, чтобы продемонстрировать свою респектабельность. Они смотрели на Гая неодобрительно, но Кляйн тоже снял пиджак, выставив на всеобщее обозрение подтяжки и стальные браслеты, придерживавшие рукава его полосатой рубашки. Выпростав галстук из-под воротничка, он со смехом сказал:

– В этой стране не принято раздеваться, но здесь-то какая разница?

Меж тем Дэвид, который ранее встал в знак приветствия, опустился обратно на стул, словно желая намекнуть, что пора уже покончить с любезностями и возобновить серьезный разговор. Новоприбывшим нашли стулья. Наконец все расселись.

Льняной костюм, подсевший от стирки, только подчеркивал грузность Дэвида. Его смуглое лицо блестело от пота. Поправив очки на мокром носу, он обратился к Кляйну:

– Так что вы говорили...

Призванный к порядку Кляйн оглядел собравшихся и сообщил:

– Вам следует знать, что Антонеску угодил в тюрьму.

– За то, что снова сказал правду? – спросил Дэвид.

Кляйн с ухмылкой кивнул.

Гарриет не знала, чем Дэвид занимался в Миссии, а Гай, если и знал, держал эту информацию при себе. Дэвид часто уезжал из Бухареста. Он говорил, что отправляется наблюдать за птицами в дельте Дуная.

Инчкейп утверждал, что как-то раз в Брашове⁹ встретил Дэвида в обличье греческого православного священника. Инчкейп поздоровался и спросил, какого черта тот так вырядился, но Дэвид прошел мимо, провозгласив: «*Procul, o procul este, profani!*»¹⁰ Неизвестно, была ли эта история – и ее подразумеваемое толкование – правдой, но Дэвид, специализировавшийся на истории Балкан, регулярно демонстрировал глубокие познания о происходящем в Румынии. Часть информации он получал от своих доверенных лиц, одним из которых был Кляйн.

– Такая история! – сказал тем временем Кляйн и заказал еще одну бутылку вина. Пока вино разливали, он молчал, не отрывая взгляда блестящих глаз от бокалов. Когда официант ушел, он продолжил: – Кто я такой? Всего лишь незаконный иммигрант, которого выпустили из тюрьмы, чтобы он послужил правительству. Что я могу знать? С чего им меня бояться? Кляйн, говорят мне, ты просто глупый еврей.

– Но что послужило причиной ареста Антонеску? – нетерпеливо перебил его Дэвид.

⁹ Средневековый город в самом центре Румынии.

¹⁰ Изыди, нечистый! (*рум.*)

– Ах, ареста! Как вам известно, он был во дворце в ночь ультиматума. Попросил аудиенции короля, но ему было отказано. Урдэриану не пустил его. Они подрались. Вы же слышали об этом? Да, подрались, прямо во дворце. Жуткий скандал.

– И за это его арестовали?

– Не за это, нет. Вчера его вызвал сам король. Опасаясь, что чувства не дадут ему говорить свободно, Антонеску написал письмо. Ваше величество, написал он, наша страна рухнет. А я ведь говорил, что эта страна рухнет. Помните? Я сравнил Румынию с человеком, который получил крупное наследство, но по глупости промотал его.

– Что еще написал Антонеску? – вмешался Кларенс, и, заслушав его медленный низкий голос, Кляйн удивленно обернулся. Обрадованный присоединением Кларенса к беседе, он продолжил:

– Антонеску написал: «Ваше величество, я молю Вас спасти наш народ» – и попросил короля избавиться от своих ложных друзей. Прочитав это письмо, король немедленно отдал приказ об аресте. Для Урдэриану это большая победа.

В голосе Кляйна звучало сожаление, и Гай спросил:

– Какая разница? Урдэриану жулик, но Антонеску – фашист.

Кляйн выпятил нижнюю губу и покачал головой.

– Это правда, – сказал он. – Антонеску поддерживал «Железную гвардию», но он в своем роде патриот. Стремится покончить с коррупцией. Нельзя сказать, как он повел бы себя, придя к власти.

– Стал бы очередным диктатором, – заявил Гай.

Разговор перешел на критику королевской диктатуры.

– У короля есть свои недостатки, но его нельзя назвать бесчувственным, – неожиданно заметил Кларенс. – Узнав о потере Бессарабии, он расплакался.

– Рыдал над съеденными устрицами – над теми, которых пришлось выплюнуть, – вставил Дэвид, ухмыляясь собственному остроумию.

– Кто угодно может заплакать, – заметила Гарриет. – В Румынии это ничего не значит.

Кларенс оскорбленно взглянул на нее и, отодвинувшись от своих жестокосердных соседей, протянул:

– Я бы не был так в этом уверен.

Последовало всеобщее молчание, после чего он добавил:

– Это наш единственный друг. Когда пробьет его час, нам придется бежать – и это если повезет.

– Это так, – согласился Дэвид, – и мы сами в этом виноваты. Если бы мы защищали страну от короля, а не короля от страны, положение дел было бы совсем иным.

Кляйн вытянул свои пухлые ручки и ослепительно улыбнулся.

– Я же говорил, что, если вы останетесь, будет очень интересно. Вы еще и половины не видели! Новое правительство уже решило нормировать выдачу мяса и бензина!

Все потрясенно уставились на него, а он закинул голову и расхохотался.

– Новое правительство! Я в жизни так не смеялся. Сначала они отказались от англо-французской гарантии. Это было просто; всем кажется, что главное уже позади. Но чем же заняться теперь? Одному пришла в голову идея. Давайте, говорит, закажем каждому большой стол, вращающийся стул, шикарный ковер! Все согласны. Потом встает новый министр иностранных дел. Он был никем, а теперь стал большим человеком. Вызывает меня и велит сделать ему список румынских поэтов. Я кланяюсь и спрашиваю: в каком порядке? Иногда, мол, такой список составляют по принципу литературной значимости. Так наивно! Так субъективно! Почему бы не расположить их по росту, весу, по году военной службы? Хорошо, говорит министр, сделай список по году военной службы. Я предложил, чтобы эти поэты написали стихи во славу великого лидера «Железной гвардии» Кодряну, который умер, но дух его живет среди нас. «Госпо-

дин премьер-министр, что вы об этом думаете?» Тот что-то мямлит. Что ему сказать? Кодряну ведь был врагом короля. «Мое мнение, – повторяет он, – мое мнение» – и тут замечает меня. Кляйн, спрашивает он, какое у меня мнение? Вы считаете, что это хорошая идея, господин премьер-министр, отвечаю я.

Истории Кляйна следовали одна за другой. Все прочие рады были предоставить ему сольную партию.

Закат угасал. На перилах вокруг кафе зажглись разноцветные электрические лампочки. Последний розовый мазок окрасил западную часть неба, отразившись в оливковой толще воды. Гарриет смотрела на деревья на другом берегу: в темноте они словно сгущались, мрачные и значительные, будто на старом гобелене.

– На днях, – продолжал Кляйн, – его величество вошел и заявил, что решил, мол, продать стране свой летний дворец в Добрудже¹¹. Это будет подарок народу, поэтому он просит за него всего миллион миллионов леев. «Но когда Болгария захватит Добруджу, они заберут и летний дворец», – воскликнул премьер-министр. «Что?! – восклицает король. – Вы что, предатель? Болгарии никогда не достанется наша Добруджа! Мы будем сражаться до последнего румына! Я сам поведу их в бой на своем белом коне!» Все вскакивают и аплодируют, а потом поют национальный гимн, а потом понимают, что им теперь предстоит купить дворец за миллион миллионов.

Смеясь вместе со всеми, Гарриет неотрывно смотрела на озеро, откуда доносилось поскрипывание уключин и плеск воды. Она опустила взгляд на кремовую прибрежную пену, в которой плавали ветви бузины, плоские и кружевные: лодочники выуживали их из воды и выбрасывали. Откуда-то донесся аромат левкоев и так же бесследно растворился в воздухе. По радио звучал «Туонельский лебедь»¹², навевая мысли о какой-то зеленой северной стране, где в озерах отражается серебристое небо. У нас есть всё, что нужно для покоя, подумала она; и вместе с тем, сидя здесь, болтая и смеясь, они вместе со всем городом пребывали в непрерывном нервном напряжении.

Ей вспомнилась Англия и последний взгляд, брошенный на бесконечные белые холмы, на белесо-голубое небо и искристое море, терзаемое ветром. Этот пейзаж должен был взволновать их, заставить сожалеть о содеянном, но они повернулись к нему спиной, предвкушая перемены и ожидавшую их совместную жизнь. Гай обещал, что они вернутся домой на Рождество. Если бы их спросили, чего они ждут от жизни, они ответили бы: «Чего угодно». Частью этой жизни были постоянные перемены и туманное будущее. Ей меньше всего на свете хотелось оседлой жизни в единственном городе. Теперь же ее мнение переменялось. Ей не доставало стабильности.

– ...И тут новый премьер-министр выступил с речью. – Кляйн поднял руку и торжественно оглядел их. – «Настало время по-настоящему важных вопросов, – сказал он. – Не пристало волноваться о мелочах...» – и тут же умолк. Показывает на что-то у себя на столе. Глаза так и мечут огонь. «Сигареты! – восклицает он. – Пастилки, минеральная вода, таблетки от несварения, аспирин, Августа! Пойди сюда немедленно! Сколько раз тебе повторять, что должно быть у меня на столе? Где аспирин? Так вот, я продолжу. Настало время великих дел...»

Цыганка-цветочница в пышном шифоновом платье цвета резеды подошла к столу, положила перед Дэвидом несколько тугих букетиков бузины и молча протянула руку. Он отодвинул цветы и велел ей уходить. Она застыла на месте, молча, словно усталая лошадь, довольная

¹¹ Добруджа – район на севере Балкан. В данном случае речь идет о Южной Добрудже – области, долгое время бывшей предметом территориальных споров, с 1913 по 1940 год находившейся под контролем Румынии.

¹² Симфоническая поэма финского композитора Яна Сибелиуса (1865–1957).

передышкой, и продолжала тянуть руку. Если бы они не обращали на нее внимания, она бы так и простояла всю ночь.

– Ради всего святого! – неожиданно вспыхнул Дэвид и сунул ей несколько леев, после чего застенчиво, с иронической улыбкой пододвинул цветы к Гарриет.

В парке стемнело. В начале лета его освещали, но, когда Париж пал, фонари выключили и больше не включали. Лодки стягивались к кафе, которое напоминало светящийся остров. Несмотря на всю непритязательность этого заведения, у него были свои правила. Сюда не пускали лиц в крестьянской одежде, но зато им дозволялось нанимать дешевые старые лодки. Остановившись на самом краю круга света, лодочники с завистливым уважением наблюдали за посетителями в городских нарядах.

– И тогда премьер-министр говорит: «Вот отчет, но его нельзя показывать герру Дорфу, понимаете?» Секретарь пишет на отчете: «Не показывать герру Дорфу». Дверь открывается, и входит герр Дорф. Секретарь прижимает отчет к груди. Он скорее умрет, чем расстанется с ним! Но что же говорит премьер-министр? «Нет, – говорит он, – надо показать отчет Дорфу. Я всегда играю в открытую».

Гай расхохотался, и тут лодочники поняли, что перед ними иностранцы. Такой шанс нельзя было упускать. Взявшись за весла, они подплыли поближе. Один из них начал выделывать простенькие акробатические трюки, после чего кое-как встал на руки. Остальные нетерпеливо наблюдали за англичанами. Когда с акробатикой было покончено, они запели печальную песенку, после чего стали застенчиво просить подаяния. Гарриет единственная видела это представление и бросила им несколько монет. Они еще покрутились неподалеку, надеясь на добавку, но не осмеливаясь просить, после чего наконец уплыли.

Разговор перешел на дело Дракера. Именно Кляйн разузнал для Гая то небольшое, что удалось выяснить об исчезновении Саши Дракера. Пока его расспрашивали о суде, он гримасничал, отвечая, что его не слишком интересует этот Дракер, который «хорошо жил, а теперь ему уже не так хорошо».

– Немцы защитят его? – спросил Гай.

Кляйн покачал головой.

– Он вел дела с Германией, – заметил Кларенс. – Не расценят ли этот суд как жест, направленный против Германии?

Кляйн рассмеялся.

– Может, и жест, да только не против Германии. Они пытаются показать, что Румыния по-прежнему свободная страна. Румыны не боятся привлечь богатого банкира к ответу на глазах у всего мира. К тому же суд отвлекает людей. Они уже не думают о Бессарабии. Но что с того немцам? Дракер им уже не нужен. Ах, госпожа *Прингаль!* – Он наклонился к ней, и розовый свет окрасил его щеку. – Я был прав, не так ли? Я же говорил, что если вы останетесь, то увидите всё самое интересное. Всё чаще приходится откупаться от Германии едой. Поверьте мне, придет день, и это, – он указал на блюдца с овечьим сыром и оливками, которые подали с вином, – будет настоящим пиром. На ваших глазах вершится история, госпожа *Прингаль!* Оставайтесь – и вы увидите, как умирает страна.

– А вы сами останетесь? – спросила она.

Он снова рассмеялся – возможно, смех был для него единственным возможным ответом на происходящее в жизни; но ей впервые пришло в голову, что, возможно, это смех человека не вполне психически здорового.

– Вы можете здесь остаться? – серьезно спросил Дэвид. – Это безопасно?

Кляйн пожал плечами.

– Сомневаюсь. Прежние министры говорили мне: «Кляйн, ты еврей и жулик, сведи-ка нам бюджет» – и шутили со мной. Но новые люди уже не шутят. Когда я стану не нужен им, что со мной сделают?

– Вам бывает страшно? – спросила Гарриет.

– Постоянно, – рассмеялся Кляйн, взял Гарриет за руку и уставился на нее. – Возможно, вам не следует задерживаться тут слишком надолго.

Час спустя Кларенс всё еще сидел с ними, хотя после своей реплики при обсуждении суда над Дракером больше не произнес ни слова. Когда они покинули кафе, он пропустил Гая, Дэвида и Кляйна вперед и задержался, надеясь, что Гарриет пойдет рядом с ним. Они почти не виделись с тех пор, как на вечеринке в честь постановки «Троила и Крессиды» он предложил ей вместе вернуться в Англию, а она не восприняла его всерьез. Теперь, судя по всему, с дружбой было покончено, и тут оказалось, что Гарриет ее недостает. Пока все говорили наперебой, она обычно молчала: в отличие от Гая, она не любила выступать на публике. Однако наедине с кем-то она охотно разговаривала, а поскольку сама в детстве пережила развод родителей, то невольно сочувствовала Кларенсу, детство которого было ужасным. Ей не хотелось разделять его недоверие к миру. Она дразнила его, высмеивала, но вместе с тем симпатизировала ему. Теперь же чувствовала, что он обратил свое недоверие против нее. Кларенс винил ее в том, что она поощряла его, а потом отвергла. Возможно, так и было. Они молча прошли под каштанами, обходя крестьян, которые устроились здесь на ночь, и повернули на дорожку под благоухающими деревьями. Прохладный влажный воздух расцвечивали ароматы невидимых цветов.

Чтобы разговорить Кларенса, она спросила, много ли у него работы, хотя знала, что ее крайне мало.

– Нет, – мрачно ответил он и надолго умолк. – Я вообще не знаю, что здесь делаю. С самого Дюнкерка Бюро словно замерло. Инчкэйпу всё равно, конечно. Он мало этим занимался. Что нам было пропагандировать, кроме эвакуации с Нормандских островов и потери Европы?

Он горько рассмеялся.

– А как поляки?

– Практически все уехали. Я сам лишил себя работы.

– Так почему бы вам не вернуться в университет? Гаю нужна помощь.

Кларенс вздохнул. Она легко могла представить выражение виноватой тоски на его лице.

– Ненавижу преподавать. А со студентами мне скучно до зевоты.

– Так что вы будете делать?

– Не знаю. Попробую заняться дешифровкой в Миссии.

– Я думала, вы презираете Миссию и всех ее сотрудников.

– Надо же чем-то заняться.

Шагая по узкой дорожке, Кларенс старательно выдерживал дистанцию между ними, неуверенно изображая отчуждение. Гарриет так хотелось отвлечься хоть чем-то, что она готова была первой сделать шаг навстречу, однако она сдержалась. Такой романтик, как он, никогда не удовлетворился бы банальной дружбой, которую единственную она могла ему предложить.

Они подходили к воротам. С дороги уже доносился шум. Кларенс замедлил шаг. Теперь, когда он наконец заговорил, ему не хотелось покидать безопасное пристанище и выходить на улицу, где все вечно толкаются и перебивают.

Он вновь вздохнул, повторил: «Не знаю!» – и принялся блуждать по метафизическим эмпириям, где обитали самобичевание и самоуничтожение.

– Насколько проще, должно быть, живется, если в человеке есть та крохотная мелочь, которая делает его скорее маниакальным, нежели депрессивным!

– Вы думаете, всё дело в химии?

– Разве нет? Что мы такое, как не простое сочетание элементов?

– Нечто большее, на мой взгляд.

Не желая оставлять частную тему ради общей, он продолжал:

– Правда кроется в том, что я всю жизнь чем-то недоволен. От этого я и умру. Впрочем, я уже умираю. Когда уходит желание жить – это начало смерти.

– Все мы умираем, – нетерпеливо бросила Гарриет.

– Некоторые очень даже живы – посмотрите хотя бы на Гая.

Они оба взглянули на Гая, белая рубашка которого мелькала где-то впереди. До них донесся его голос. Он оседлал любимого конька: страдания крестьян, страдания всего мира. Страдания, которые продолжатся и после того, как не станет самого Гая, подумала Гарриет. Услышав слово «Россия», она улыбнулась.

Кларенс тоже услышал его и неодобрительно спросил, словно раньше никогда не думал об этом:

– А откуда вообще у него такая любовь к России?

– Видимо, ему нужно во что-то верить. Отец его был старомодным радикалом. Гая вырастили свободомыслящим, но темперамент у него религиозный. Поэтому он верит в Россию. Очередной домик для детей где-то в голубом небе.

– Именно это психологи называют бунтующим сыном бунтующего отца, – заметил Кларенс.

Эта мысль оказалась для Гарриет внове. Она готова была обдумать ее позднее, но ей неприятно было слышать, что Кларенс так легко налепил на Гая ярлык.

– Всё гораздо сложнее, – ответила она.

Возможно, всё действительно было сложнее. В детстве Гая фабрики и шахты бездействовали, и большинство известных ему мужчин – включая его отца – сидели на пособии. Он наблюдал, как его отец, образованный человек, имеющий профессию, опустил и впал в отчаяние, и заболел от этого отчаяния, и стал окончательно нетрудоспособен. Гая возмущала напрасная трата человеческих жизней, и он увлекся политикой пустошей и благополучием пострадавших.

– Дэвид такой же, – раздраженно продолжал Кларенс. – Оба верят, что жизнь можно исправить диалектическим материализмом.

– Дэвид куда реалистичнее и, кажется, более зашорен, – ответила Гарриет.

– А Гай?

– Не знаю.

Она действительно не знала. Она открыла для себя, но так и не прояснила непоколебимую непрактичность Гая.

– Я ему как-то сказала, что думала, будто выхожу замуж за непоколебимую скалу. На деле же оказалось, что он способен на любое безумие. Например, он собирался жениться на Софи только ради того, чтобы у нее появился британский паспорт.

Услышав критику в голосе Гарриет, Кларенс тут же перешел к обороне.

– Гай всё же не таков, как большинство этих левых идеалистов, – сказал он с укоризной. – Он не только говорит – он делает. Например, он навещал политзаключенных в тюрьме Вакарешти. В этой стране такое довольно рискованно.

– И когда он это делал? – встревоженно спросила Гарриет.

– До войны. Носил им книги и еду.

– Надеюсь, сейчас он перестал?

– Не знаю. Мне он ничего не говорит.

Гарриет он тоже ничего не рассказывал. Она поняла, что муж мог начать скрывать свои занятия, поскольку ему не нравилось ее вмешательство. Ей же не нравилась сама мысль о том, что, уходя из дома, – а уходил он часто, – он мог заниматься бог знает чем.

– Он идеалист, конечно, – сказал Кларенс.

– Боюсь, что так.

– Вы уже смотрите на него критически.

– Не то чтобы я не ценила его добродетели – просто для меня они чрезмерны. Он слишком щедр, слишком снисходителен, слишком отзывчив. Людям кажется, что его можно просить о чем угодно, но, когда он нужен мне, его никогда нет рядом.

– Но разве вы могли бы найти кого-то лучше?

Она не стала отвечать на этот вопрос. На самом деле ей казалось, что ее обвели вокруг пальца; возможно, это произошло потому, что он так отличался от нее самой. В юности она была тощей и некрасивой. Чувствуя себя никому не нужной, она держалась отстраненно и агрессивно, и тетка часто ругала ее: «Будь поприятнее с людьми! Ты что, не хочешь никому нравиться?» Когда же она пыталась кому-то понравиться, то, похоже, вызывала у окружающих не любовь, а подозрения. Не имея успеха в жизни, она нуждалась в ком-то, кто будет успешным за нее. И кто лучше подходил на эту роль, чем Гай Прингл – огромный, уютный, щедрый, притягательный? Но ей надо было распознать тревожные признаки. Например, тот факт, что у него почти не было имущества. Она списывала это на его бедность, но вскоре выяснила, что все подарки он тут же терял. Ей начало казаться, что вещи обременяли его. Они слишком много говорили о своем хозяине, определяли его и тем самым ограничивали. Гай не терпел определений, ограничений или принадлежности.

В нем, надо признать, была некая эмоциональная ограниченность, но дело было не только в ней. И всё же, как сказал Кларенс, могла ли бы Гарриет найти кого-то лучше? Она вообразила себе кого-то похожего, но зависящего от нее, постижимого, принадлежащего ей. Видимо, это был ребенок. Возможно, когда-нибудь ей будет это дозволено, но пока что Гай говорил, что их положение слишком зыбко, чтобы заводить ребенка. Было ли это причиной или оправданием? В конце концов, дети – то же имущество. Они так же определяли и ограничивали своих родителей.

– Я верю в Гая, – продолжал Кларенс. – Думаю, вам повезло, что вы нашли его. Он – цельная личность, хотя в этом-то и кроется проблема. Вы пытаетесь разрушить его.

– О чем это вы?

– Вы набиваете ему голову всякими идеями среднего класса. Заставляете стричься и каждый день принимать ванну.

– Надо же ему когда-то вырасти, – сказала Гарриет. – Не женись он на мне, на всю жизнь остался бы студентом с единственным рюкзаком. Думаю, он рад был поводу найти некий компромисс.

– В том-то и дело. Компромиссы портят людей. А респектабельность – это компромисс. Взять хотя бы меня. Я учился в дорогой школе, где меня избивали, как нелюдя. Я хотел взбунтоваться, но не осмелился. Хотел воевать в Испании, но не решился. Мог выбрать любую профессию, но не выбрал ничего. Это был бунт против собственной респектабельности, и он ни к чему не привел. Я нашел компромисс, и это меня сгубило.

– Это было неизбежно в любом случае. Вы сами стремились к гибели.

Молча поразмыслив над ее словами, Кларенс заявил:

– В общем, я пропал. Я всех подвожу. Даже Гая могу подвести.

– Это вряд ли.

– Почему вы так уверены?

– Вы не так много для него значите.

– Ха! – воскликнул Кларенс в мрачном удовлетворении от такой пренебрежительной характеристики.

Их спутники остановились у ворот. Завидев Гарриет и Кларенса, они собирались двинуться дальше, как вдруг кто-то вышел из кустов и заговорил с ними. Кляйн и Дэвид вышли на улицу, но Гай остановился.

– Кого там еще подцепил Гай? – с неудовольствием спросил Кларенс. – Какого-то нищего?

– Непохоже.

Несмотря на их разногласия, Гарриет и Кларенс одинаково не одобряли готовность Гая поощрять всех и каждого.

Когда они подошли ближе, Гай восторженно окликнул Гарриет:

– Угадай, кто тут!

Гарриет не знала ответа и не видела никакого повода для восторга. Незнакомый ей мужчина был одет в потрепанную, грязную солдатскую форму. Издалека она решила, что это молодой человек, но в неверном уличном свете стала заметна та особая немощь, которая встречается у нищих стариков.

Это был высокий, тощий и узкоплечий человек, сторбленный, словно больной чахоткой. На бритой голове виднелась седая щетина. Бледное лицо с впалыми щеками и крупным носом казалось бы лицом мертвеца, если бы не обращенный на нее отчаянный взгляд темных, близко посаженных глаз.

Подобное несчастье отвращало. Ей хотелось отойти. Она покачала головой.

– Милая, это же Саша Дракер.

Она утратила дар речи. Девять месяцев назад Саша был сытым, хорошо одетым сыном богатого человека. Теперь же от него исходил кладбищенский запах.

– Что случилось? Где он был?

– В Бессарабии. Когда отца арестовали, его забрали на военную службу и послали на границу. Когда пришли русские, румынские офицеры дезертировали. Началась суматоха, и Саша сбежал. С тех пор он в бегах. Он голодает. Милая, мы должны его принять.

– Разумеется.

Слишком потрясенная, чтобы говорить, она отошла от Саши и пошла вперед с Кларенсом, размышляя, куда пойдет Саша, когда его накормят.

Когда они пересекли площадь и подошли к дому Принглов, Гарриет пригласила Кларенса зайти: ей хотелось с кем-то разделить этот груз.

– Ни в коем случае, – ответил он, отказываясь от какой-либо ответственности.

– Что нам с ним делать? – жалобно спросила она, но какой-либо помощи или сочувствия от Кларенса в тот вечер ждать не приходилось.

– Положите его с Якимовым, – посоветовал он и со смехом удалился.

На кухне нашлись только хлеб и яйца. В такую жару в стране, не знавшей холодильников, приходилось покупать свежую еду каждый день. Готовя омлет, Гарриет слышала, как в каморке храпят горничная Деспина и ее муж.

Пока Саша с виноватой жадностью поглощал омлет, его лицо чуть порозовело. Он напоминал молодое деревцо, сломленное бурей. Когда-то Саша Дракер был нежным, обласканным юношей, любимцем большой семьи и походил на кроткого и наивного домашнего зверька. Теперь же у него был опасливый взгляд загнанного человека.

Гай сидел напротив и озабоченно наблюдал за мальчиком. Вид Саши, очевидно, потряс его. Повернувшись к Гарриет, он заговорил тем убедительным тоном, который она уже ожидала услышать:

– Мы же можем его где-нибудь положить? Он может остаться?

– Не знаю, – сказала она, досадуя, что Гай говорит так открыто. Ей казалось, что подобную ситуацию надо обсудить наедине, прежде чем принимать какое-либо решение. Куда именно предполагалось положить Сашу?

Сам Саша молчал. В другой ситуации он, конечно, начал бы протестовать, но теперь Гарриет была его единственной надеждой. Покончив с едой, он улыбнулся ей, и улыбка его была мучительно пустой.

Гай предложил ему кресло:

– Устраивайся поудобнее.

Саша неловко заерзал.

– Лучше деревянный стул. Видите ли... у меня вши.

– Хочешь принять ванну? – спросила Гарриет.

– Да, пожалуйста.

Выдав ему полотенца и показав ванную, она вернулась в комнату и атаковала Гая.

– Нельзя его здесь оставить, – сказала она. – Наше положение и так зыбко. Что будет, если узнают, что мы укрываем дезертира – тем более сына Дракера?

Гай страдальчески уставился на нее.

– Как можно ему отказать? Ему некуда пойти.

– У него что, нет друзей?

– Никто не осмелится принять его. Он на грани. Нельзя выгонять его на улицу. Надо оставить его на ночь. Хотя бы сегодня.

– И где же?

– На диване.

– А Якимов?

Гай смутился.

– Всё будет хорошо, – сказал он, хорохорясь, но они оба понимали, что это не так. Якимову нельзя было доверять.

Видя, как мучается Гай, Гарриет пожалела его, но он сам загнал себя в этот тупик. Когда-то он заставил ее принять Якимова, и теперь она с некоторым злорадством ждала, пока он найдет какой-то выход из сложившейся ситуации. Выход не находился.

– Ты не знаешь, кто мог бы приютить его? – спросил Гай мрачно.

– А ты?

Последовала долгая пауза, и Гай закручинился еще сильнее.

– Можно выставить Якимова, – сказала Гарриет.

– Куда он пойдет? У него нет ни гроша.

В последовавшей затем тишине Гарриет размышляла о том, какие они всё же разные. Гай, как обычно, привел Сашу домой, не думая о последствиях. Она же, возможно, чрезмерно беспокоилась. Если бы Гай принимал решение в одиночку, он бы не увидел никаких препятствий. Он бы доверился Якимову, а тот, возможно, даже оправдал бы доверие. В то же время она была раздосадована, поскольку готовность Гая принять Сашу казалась ей очередным бегством от скучной ответственности, которая, собственно, и лежит в основе брака.

Гай жалобно уставился на нее, словно надеясь вымолить какое-то решение. На самом деле решение было. Пожалев его, она сказала:

– На крыше есть что-то вроде комнаты – вторая спальня для прислуги.

– И это наша комната?

– Это часть квартиры. Ей нельзя пользоваться, не сказав Деспине. Она хранит там вещи.

– Милая! – От облегчения он так и просиял, вскочил на ноги и обнял ее. – Что у меня за жена! Ты просто чудо!

Это всё, конечно, очень мило, сказала она себе.

– Саша может остаться здесь на одну ночь. Потом ты найдешь ему другое пристанище. Я не уверена, что Деспине можно доверять.

– Разумеется, ей можно доверять.

– Почему ты так думаешь?

– Она достойный человек.

– Если ты считаешь, что всё в порядке, тогда иди и разбуди ее. Она знает, где эта комната.

Я не в курсе.

Гай уже собирался радостно объявить Саше, что вопрос решен. Но, услышав о возложенной на него непосильной задаче, он так и замер.

– Спроси ее сама, – умоляюще попросил он, но Гарриет покачала головой.

– Нет, буди ее сам.

Когда он неохотно двинулся в кухню, ей захотелось сказать: «Ну ладно, я сама», но она сдержалась и впервые за всю их совместную жизнь не уступила.

4

Якимов исполнил роль Пандара в постановке «Троила и Крессиды» под руководством Гая. Теперь спектакль остался позади, его триумф забыт, и он страдал от мучительной неудовлетворенности. Гай во всё время подготовки сдувал с него пылинки, но теперь совершенно позабыл о нем. И ради чего были все эти часы, потраченные на репетиции, вопрошал Якимов? Всё впустую.

Он брел по Каля-Викторией, и его печальное верблюжье лицо оплывало потом: полуденная жара всё крепчала. На нем была панама, репсовый костюм, розовая шелковая рубашка и галстук некогда цвета пармских фиалок. Одежда была очень грязной. Поля шляпы обвисли и пожелтели от старости. Поношенный пиджак побурел под мышками и так сел, что обхватывал его тело на манер корсета.

Зимой сквозь дыры в подошвах он чувствовал смерзшийся буграми снег, теперь же его мучала раскаленная солнцем брусчатка. Энергичные прохожие то и дело выталкивали его на обочину, и пролетающие мимо автомобили обдавали его жаром. Бряцание трамваев, блеск лобовых стекол, рев гудков и визг тормозов выбивали его из колеи: в это время ему полагалось уютно спать.

Тем утром его разбудил безжалостный телефонный звонок. Хотя по характеру освещения было ясно, что еще нет и десяти утра, в квартире, видимо, никого не было. Вяло потев под простыней, он лежал, не имея энергии даже на то, чтобы повернуться, и ждал, пока звонки стихнут. Они не стихали. Наконец он мучительно пришел в сознание, кое-как поднялся и выяснил, что звонили ему. Это был его старый друг из Миссии, Добби Добсон.

– Счастлив слышать вас, – сказал Якимов и устроился поудобнее, готовясь к приятному обсуждению их совместного участия в «Троиле и Крессиде». Но Добсон, как и все остальные, уже позабыл о пьесе.

– Послушайте, Яки, насчет транзитной визы... – начал он.

– Какой еще визы, дорогой мой?

– Вы же знаете, о чем я. – В голосе Добсона слышалась усталость добродушного человека, доведенного, однако, до предела. – Каждому британскому подданному было приказано иметь действующую транзитную визу на случай внезапной эвакуации. В ходе проверки консул обнаружил, что у вас такой визы нет.

– Послушайте, ну это же всё было не всерьез. Нет причин беспокоиться.

– Приказ есть приказ, – сказал Добсон. – Я находил для вас оправдания, но, если вы не получите визу сегодня, вас арестуют и отправят в Египет.

– *Дорогой мой!* У меня же нет ни гроша.

– Отправьте счет мне. Вычту из вашего содержания.

Тем утром, прежде чем покинуть квартиру, Якимов решил поискать, не найдется ли там чего-нибудь полезного. Гай беспечно обращался с деньгами. Якимов не раз находил и присваивал банкноты, которые выпали из кармана Гая вместе с носовым платком. Раньше он не искал деньги специально, но сегодня его обуяла такая тоска, что он решил, что ему причитается всё найденное. В спальне Принглов он порылся в штанах и сумках, но ничего не нашел. В гостиной он порылся в ящиках буфета и письменного стола и некоторое время разглядывал корешки чековых книжек, в которых значились платежи в лондонские банки от лица местных евреев. Поскольку Дракер как раз ожидал суда по обвинению в торговле на черном рынке, Якимов некоторое время обдумывал возможность шантажа. Но дело представлялось невыгодным. Торговля на черном рынке была так распространена, что даже теперь евреи только посмеялись бы над ним.

В центральном ящичке письменного стола он обнаружил запечатанный конверт с надписью «Совершенно секретно» и пришел в восторг. Он был не единственным, кто подозревал, что деятельность Гая в Бухаресте была далеко не такой невинной, как могло показаться. По мнению Якимова, приветливый, добродушный, отзывчивый Гай идеально подходил на роль агента.

Конверт был неплотно запечатан и открылся от первого же касания. Внутри лежал план – чего же? Трубы или колодца. Наслушавшись разговоров о саботаже в Английском баре, Якимов решил, что перед ним план нефтяной скважины. Отметка на плане гласила: «Детонатор». Это был набросок, подсказывающий неопытному саботажнику, где разместить взрывчатое вещество.

Вот это находка! Он закрыл пустой конверт и положил его обратно, а план сунул в карман. Еще не придумав, какую бы пользу из него извлечь, Якимов уже представлял, как весело будет демонстрировать его в Английском баре в подтверждение многотрудных миссий, возложенных на него королем и страной. На мгновение его охватил восторг. Затем он поплелся к консулам, и план был позабыт, а восторг улетучился.

Пользуясь моментом, консулы ломали втридорога. Якимов, у которого одна мысль о подобных тратах вызывала гадливость, получил визы в Венгрию, Болгарию и Турцию. Осталась только Югославия – страна, откуда его выставили девять месяцев назад, отобрав его автомобиль за долги. Он с отвращением вошел в югославское консульство, отдал свой паспорт, после чего – как и предполагал – был вынужден ожидать целых полчаса.

Наконец вручив Якимову паспорт, клерк сделал такой жест, словно задергивал между ними невидимые шторы.

– *Zabranjeno!* – сказал он.

Якимову отказали в визе.

Всё это время он надеялся, что однажды сможет одолжить у кого-нибудь сумму, достаточную для покрытия долга, и заберет свою «Испано-Сюизу». Теперь же его лишили такой возможности.

Шагая по Каля-Викторией, он чувствовал, как его возмущение набирает силу, подобно расстройству желудка. Он тосковал по своему автомобилю – последнему подарку милой старушки Долли, последнему артефакту их чудесной жизни (если не считать остатков его гардероба). Вдруг эта потеря разрослась до размеров настоящего горя. Он решил, что ему необходимо увидеть Добсона, а перед этим – утешить себя выпивкой.

Во время подготовки спектакля Гай водил Якимова в «Две розы», чтобы сохранять над ним контроль. Но Гай – простой человек – пил всего-навсего пиво и *tuică* и не видел в этом ничего дурного. Якимов же всей душой стремился к более утонченному обществу, собиравшемуся в Английском баре. Как только спектакль был позади, он пришел туда, рассчитывая, что его встретят почестями и аплодисментами, однако его ждало разочарование. Его появление не просто прошло незамеченным – вокруг были одни незнакомые лица. В баре было куда больше народу, чем он когда-либо видел. Изменился даже сам воздух: теперь здесь пахло не сигаретами, но сигарами.

Пробираясь сквозь толпу, он слышал вокруг одну только немецкую речь. Подумать только, немцы в Английском баре! Он вытянул шею, пытаясь найти Галпина или Скрюби, и вдруг осознал, что, кроме него, здесь нет англичан.

Пока Якимов пытался добраться до барной стойки, его довольно враждебно толкали. Когда он сказал какому-то здоровяку: «Осторожнее, дорогой мой», тот буквально отшвырнул его в сторону с возгласом: «*Verfluchter Lümmel!*»¹³

¹³ Проклятый ублюдок! (нем.)

Якимов был выбит из колеи. Он поднял руку, пытаясь привлечь внимание Альбу, который всегда держался так сдержанно, что считался образцом английского бармена. Но Альбу даже не взглянул в его сторону.

Осознав, что оказался в одиночестве на оккупированной территории, Якимов собрался было уходить, как вдруг заметил князя Хаджимоскоса.

Князь напоминал монголоидную куколку: восковое личико, жидкие черные волосы и черные глаза. Приподнявшись на цыпочки, он шепеляво нашептывал что-то по-немецки своему спутнику. Якимов был счастлив увидеть знакомое лицо и, незамедлительно пробравшись к ним, схватил князя за руку.

– Дорогой мой, кто все эти люди? – спросил он.

Хаджимоскос медленно повернул голову, демонстрируя свое недовольство.

– Вы разве не заметили, mon prince, что я занят? – холодно спросил он и отвернулся, но его собеседник воспользовался представившимся случаем и сбежал. Хаджимоскос смерил Якимова сердитым взглядом.

Чтобы умиловить его, Якимов попытался перевести всё в шутку.

– Как много немцев! – нервозно хихикнул он. – Скоро они потребуют плебисцит.

– У них столько же прав находится здесь, сколько у вас. Даже больше: они-то нас не предавали. Лично я очень к ним расположен.

– Я тоже, дорогой мой, – уверил его Якимов. – У меня было множество друзей в Берлине в 1932 году.

Затем он решил, что пора сменить тему на более интересную.

– Вы, случайно, не видели спектакль?

– Спектакль? Эту благотворительную постановку в Национальном театре? Говорят, что вы выглядели особенно нелепо.

– Меня принудили, – стал оправдываться Якимов, зная, что подобная активность не могла не заслужить некоторого неодобрения. – Война, сами понимаете. Все должны внести свою лепту.

Хаджимоскос скривил губы и, не говоря более ни слова, отошел в поисках более выгодной компании. Он присоединился к группе немцев, где его тут же пригласили выпить. С завистью наблюдая за ними, Якимов гадал, удастся ли ему, сыну русского отца и ирландской матери, намекнуть, что он симпатизирует рейху. Однако он быстро выбросил эти мысли из головы. Британская миссия утратила свою власть здесь – но не над ним.

С тех пор Английский бар обрел привычный вид. Британские журналисты вернулись на свое место, а немцы, устав от перепалок, ретировались обратно в «Минерву». Немногие оставшиеся держались куда скромнее.

Хаджимоскос вновь был готов снизойти до Якимова, но с некоторыми условиями. К английским компаниям он не подходил, не желая прилюдно обозначать свои позиции, но, если у Якимова появлялись деньги, Хаджимоскос готов был покрутиться рядом и помочь их потратить.

Якимов был необидчив по натуре, но подобное поведение порой вызывало у него досаду. Он был опытным нахлебником, но не таким, как Хаджимоскос. Если у него были деньги, он тратил их, тогда как Хаджимоскос никогда не тратил ни гроша. Хаджимоскос держался так неприметно и был так навязчив, что действовал на мужчин подобно женщине. Они ничего от него не ждали, но он так долго переминался с ноги на ногу, так терпеливо и настойчиво выжидал, что ему покупали выпивку только для того, чтобы почувствовать себя вправе более не обращать на него внимания.

Тем утром, войдя в бар, Якимов встретил Хаджимоскоса и его друзей, Хорвата и Чичи Палу: сжимая в руках пустые бокалы, они озирались в поисках кого-то, кто им нальет.

Прежде чем подойти к ним, Якимов купил себе выпить, но видя, как они смотрят на виски в его стакане, он начал в свое оправдание жаловаться на визы, которые его заставили купить по непомерной цене. Злорадно улыбаясь, Хаджимоскос шагнул вперед и положил руку Якимову на плечо.

– Cher prince, – сказал он, – неважно, на что вы тратите деньги, пока вы тратите их на себя!

Палу фыркнул, Хорват остался безучастен. Якимов знал – всегда знал, – что он им не нужен. Они и сами были друг другу не нужны. Они держались вместе и маялись от отсутствия цели, поскольку никто не желал их общества. Якимову вдруг пришло в голову, что он ничем не отличается от них, – и это он, который некогда был центром блистательного общества. Он попытался блеснуть вновь:

– Вы слышали? Когда бедного французского министра вызвали в Виши, княгиня Теодореску сказала ему: «Dire adieu, c'est mourir un peu»¹⁴.

– Вы полагаете, что княгиня была способна на подобную бестактность?

Хаджимоскос повернулся спиной, пытаясь исключить Якимова из разговора, и заявил:

– Дела принимают скверный оборот! Знаете, что мне утром сообщил *cordonnier*¹⁵? За пару ботинок ручной работы надо отдать пять тысяч и ждать три недели!

– У *tailleur*¹⁶ то же самое. Цены на всё английское просто безумные. А теперь они объявили о введении постных дней. Что теперь есть, я вас спрашиваю?

Хаджимоскос взглянул на Якимова, словно это британцы, а не немцы грабили страну. Тот попытался присоединиться к беседе.

– Рыбу, например, – робко сказал он, – или дичь, в зависимости от сезона. Я лично никогда не откажусь от ломтика индейки.

– Это всё *entrées*¹⁷, – раздраженно перебил его Хаджимоскос. – Как мужчине сохранить потенцию без мяса?

В отчаянной попытке вновь перевести внимание на себя Якимов вдруг вспомнил о найденном утром плане. Он вытащил его и со вздохом принялся разглядывать. Разговор затих. Понимая, что на него смотрят, он опустил бумагу – так, чтобы ее было видно всем.

– Чего от меня потребуют в следующий раз! – спросил он в воздух.

Хаджимоскос отвернулся.

– Мой вам совет, *mon prince*, – сказал он. – Если вы хотите что-то скрыть – спрячьте это немедленно.

Понимая, что все попытки провалились, Якимов спрятал план и стал оглядываться. Вдруг он заметил, что какой-то незнакомец пытается привлечь его внимание и улыбается. Выглядел он неряшливо и малоперспективно, но Якимов с неизменным дружелюбием протянул ему руку:

– Напомните мне, дорогой мой, где мы с вами встречались?

Незнакомец вытащил курительную трубку из-под пышных усов и, заикаясь, точно опустевший сифон, наконец выдал из себя:

– Меня зовут Лаш. Тоби Лаш. Мы как-то виделись с Гаем Принглом.

– В самом деле! – согласился Якимов, который не помнил ничего подобного.

– Позвольте мне угостить вас. Что вы пьете?

– Виски, разумеется. Местное пойло мне не переварить.

¹⁴ Прощание – это маленькая смерть (*франц.*).

¹⁵ Сапожник (*франц.*).

¹⁶ Портной (*франц.*).

¹⁷ Закуски (*франц.*).

Шумно заготовав, Лаш отправился в бар. Якимов уже счел своего нового знакомого неприятным типом, но тут его подвели к столику и усадили. Когда перед ним появился стакан, он понял, что в обмен от него ожидают какой-то услуги.

Некоторое время Лаш нервно посасывал трубку, после чего заявил:

– В этот раз я приехал надолго.

– В самом деле? Это чудесно.

Лаш сидел, прижав локти к телу и сжав колени, словно желая исчезнуть внутри своего мешковатого спортивного пиджака и фланелевых брюк. Некоторое время он сосал трубку, охал, заикался, после чего сообщил:

– Когда русские захватили Бессарабию, я сказал себе: Тоби, старина, пришло время делать ноги. Всегда есть опасность засидеться.

– Откуда вы?

– Клуж. Трансильвания. Там я никогда не чувствовал себя в безопасности. Здесь, впрочем, тоже.

Якимов вдруг вспомнил, что уже слышал его имя. Кажется, он приезжал в Бухарест весной на несколько дней, когда прошли слухи о вторжении русских. Якимов всегда был готов посочувствовать чужим страхам, поэтому ободряюще сказал:

– Тут вам бояться нечего. Это тихая заводь. Немцы не встречают никаких препятствий. Они нас не потревожат.

– Надеюсь, вы правы. – Лаш тревожно обводил бар блеклыми выпуклыми глазами. – Некоторые из них были бы не прочь. Кажется, им не нравится, что мы сюда ходим.

– Обычное дело, – сказал Якимов. – Сначала вторгнутся куда-то, а потом жалуются на местных жителей. Но на прошлой неделе было хуже. Я попросил у Альбу «мартини драй», а он налил мне три бокала¹⁸.

Лаш так и согнулся от смеха.

– Ну вы и шутник, – сказал он. – Выпьете еще?

Вернувшись со вторым стаканом, Лаш явно взял себя в руки и решился заговорить о деле.

– Вы же дружите с Гаем Принглом, так?

– Мы старые добрые друзья, – подтвердил Якимов. – Вы же знаете, что я играл Пандара в его постановке?

– Ваша слава достигла Клужа. Вы живете с Принглами?

– Да, мы делим квартиру. Уютное гнездышко. Приходите поужинать с нами.

Лаш кивнул, но ему было нужно другое.

– Я ищу работу, – сказал он. – Прингл возглавляет английскую кафедру, правильно? Я собираюсь сам поговорить с ним, но, возможно, вы могли бы замолвить за меня словечко? Просто скажите, мол, видел сегодня Тоби Лаша, отличный товарищ. Что-то в этом духе.

Тоби выжидательно уставился на Якимова, и тот заверил его:

– Стоит мне сказать слово, и у вас будет работа.

– Если работа вообще есть.

– Всегда можно что-то устроить.

Якимов допил виски и поставил стакан. Тоби встал, но при этом неожиданно твердо сказал:

– Еще одну, а потом мне нужно ехать в Миссию. Надо показаться начальству.

– Вы на автомобиле? Может быть, подвезете меня?

– С удовольствием.

Оказалось, что Тоби ездит на стареньком «хамбере» цвета грязи, высоком и горбатым, словно паланкин.

¹⁸ Слова dry (англ. сухой) и Drei (нем. три) произносятся очень похоже.

– Неплохая машина, – сказал Якимов. Устраиваясь на высоком сиденье, из которого торчала набивка, он снова вспомнил свою красавицу «Испано-Сюизу».

Миссия располагалась в кирпичном особняке в одном из переулков. Вокруг здания стояли автомобили. На плешивой лужайке перед входом толпились мужчины самого делового вида, в бурых костюмах, с одинаковым выражением унылого долготерпения на лицах. Они глядели на «хамбер» так, словно ожидали от него каких-то новостей. Якимов с изумлением услышал, что между собой эти мужчины говорили по-английски. Он не узнал никого из них.

Тоби впустили в канцелярию, но Якимова, как это уже случалось ранее, остановила секретарша.

– Князь Якимов, я могу вам чем-то помочь? – спросила она, всеми порами источая свое немолодое обаяние. – Мистер Добсон очень занят. Молодые люди всё время заняты теперь, бедняжки. В их возрасте жизнь должна состоять из балов и вечеринок, но с этой ужасной войной им приходится работать, как и всем. Вы, наверное, пришли по поводу своего *permis de séjour*?

– Я по личному вопросу. Очень важному. Боюсь, что мне надо поговорить с мистером Добсоном.

Она цокнула языком, но всё же пропустила его. Они с Добсоном не виделись с самого спектакля, и теперь он встретил Якимова с вялым интересом:

– Привет, как ваши дела?

– Как сажа бела, – ответил Якимов. Добсон изобразил дежурную улыбку, но на его щекастом лице вместо привычной умиротворенности была только усталость. Глаза его покраснели, и в целом он выглядел неважно.

– У нас была непростая неделя. И теперь, будто всего остального было мало, инженеров выставили с месторождений.

– Это они там стоят?

– Да. Им дали восемь часов, чтобы покинуть страну. Специальный поезд должен вывезти их в Констанцу. Бедняги, они надеются, что мы чем-то можем помочь.

– Мне очень жаль, дорогой мой.

В голосе Якимова звучало искреннее сочувствие. Добсон уронил ручку и потер лоб.

– Его превосходительство вот уже два часа звонит всем подряд, но без толку. Румыны устроили это, чтобы потрафить немцам. Некоторые инженеры живут здесь уже двадцать лет. У них здесь дома, автомобили, собаки, кошки, лошади... Нам это добавит работы.

– В самом деле.

Якимов опустил на стул в ожидании момента, когда сможет заговорить о своих проблемах. Когда Добсон умолк, он вмешался:

– Не хотел беспокоить вас в такой час, но...

– Вы за деньгами, полагаю?

– Не совсем. Вы помните мою «Испано-Сюизу». Югославы пытаются прикарманить ее. Он изложил свою историю.

– Дорогой, нельзя им этого позволить. Такой автомобиль стоит дорого. Одна только рама идет за две с половиной тысячи. Кузов от Фернандеса – один бог знает, сколько Долли за него заплатила. Производство искусства. Больше у меня ничего нет в целом свете. Дасте мне визу, дорогой мой. Ссудите несколько тысконок. Я достану автомобиль и тут же продам его. Устроим пирушку с шампанским. Как вам такое?

Добсон слушал его мрачно и терпеливо.

– Как вы, наверное, знаете, румыны реквизируют автомобили, – сказал он.

– Не британские, я надеюсь?

– Нет. – Добсон был вынужден признать, что британские привилегии сохранялись, несмотря ни на что. – В основном еврейские. Евреям вечно не везет, но у них и в самом деле

самые большие автомобили. Я имею в виду, что сейчас не лучшее время для продажи. Люди не захотят покупать дорогой автомобиль: его могут отобрать в любой момент.

– Но я и не хочу продавать ее, дорогой мой. Я привязан к этой старушке... Она пригодится в случае эвакуации.

Добсон потянул себя за щеку и надул пухлые губы.

– Вот что я вам скажу. Кто-то из нас должен поехать через неделю в Белград – возможно, Фокси Леверетт. У вас есть квитанция, ключи и всё такое? Тогда я попрошу забрать автомобиль и приехать на нем обратно. Полагаю, он на ходу?

– В первоклассном состоянии.

– Посмотрим, что можно сделать.

Добсон встал, намекая, что Якимову пора идти.

Когда Якимов вышел из Миссии, инженеры всё еще толпились на лужайке, но «хамбер» уже уехал. Шагая сквозь полуденную духоту, Якимов говорил себе: «Больше никакой пешей ходьбы». Да и вообще, если задуматься, такой автомобиль стоит больших денег. Его можно продать за целое состояние.

5

Как-то днем, через неделю после того вечера в кафе, Гарриет вышла на балкон, привлеченная звуками хриплого пения. По главной площади маршировали какие-то люди.

В Бухаресте часто встречались подобные процессии, устраиваемые по любому поводу: от грандиозных мероприятий, в которых обязывали принимать участие даже министров, до школьных представлений.

Эта процессия, однако, отличалась от прочих. В ней не было никакого величия, только безжалостная целеустремленность. Возглавляли ее мужчины в зеленых рубашках. Пели они что-то незнакомое, но Гарриет удалось разобрать одно слово, которое они постоянно повторяли:

– Capitanul, capitanul...

Капитан. Кто именно – оставалось неизвестным.

Колонна резко свернула на Каля-Викторией, и демонстранты по двое стали исчезать из виду. Гарриет оставалась на балконе – ей всё равно больше нечем было заняться.

В квартире было тихо. Деспина ушла на базар, Якимов оставался в постели (иногда она завидовала его способности так закрываться от окружающего мира). Саша, который остался с ними, несмотря на ее условие «Только на одну ночь», прятался где-то на крыше: как и Якимову, ему некуда было пойти. Гай, разумеется, ушел в университет.

За этим «разумеется» крылось ее растущее возмущение. Гарриет ждала конца семестра и окончания репетиций, надеясь, что тогда они будут проводить вместе больше времени и поддерживать друг друга на фоне растущей тревоги. Вместо этого Гай стал появляться дома еще реже. Летняя школа должна была занять немного его времени, но привлекла столько евреев, ожидавших американских виз, что Гай организовал дополнительные классы и теперь преподавал даже во время сиесты.

В день, когда нефтяников изгнали из Плоешти, Принглы вместе с остальными британцами получили первый приказ покинуть страну. Гай как раз собирался уходить, когда к ним пришел посланник префектуры. Гай передал записку Гарриет.

– Отнеси это Добсону, он разберется, – сказал он равнодушно. Гарриет, однако, была встревожена приказом собирать вещи и уезжать.

– А если нам всё же придется собраться за восемь часов?

– Не придется.

Его спокойствие обеспокоило ее еще сильнее, но он оказался прав. Добсон сделал так, что приказ отозвали, и все британские подданные – кроме инженеров – смогли остаться в Бухаресте.

В тот день Гарриет не раз видела жен и детей этих инженеров в разных кафе. Дети капризничали и шалили, и румыны косились на них неодобрительно: у них не принято было водить детей в кафе. Женщины, которых только что выгнали из дома, выглядели совершенно оглушенными и вместе с тем словно питали какие-то надежды, как будто всё происходящее еще могло оказаться ошибкой и им разрешено будет вернуться. Вместо этого им пришлось погрузиться в поезд до Констанцы, а там отправиться морем в Стамбул.

Хотя румыны твердили, что подчиняются немецким приказам, ходили слухи, что немецкий министр заявил:

– Теперь мы знаем, как Кароль поступил бы с нами, проиграй мы войну.

Итак, инженеры отправились в безопасное место, пусть и неохотно. Гарриет порой жалела, что их с Гаем не изгнали вместе с ними.

Стоя на балконе, она полностью погрузилась в эти мысли, как вдруг весь город задрожал. На мгновение ей показалось, что балкон падает. Прямо перед собой она увидела – или вооб-

разила – булыжники, которыми была вымощена площадь. В ужасе она попыталась ухватиться за что-то, но мир словно отделился от нее. Всё вокруг двигалось, и держаться было не за что. Это длилось несколько мгновений, после чего дрожь утихла.

Гарриет побежала в комнату и схватила сумку и перчатки. Остаться на девятом этаже было невыносимо страшно. Ей нужно было почувствовать землю под ногами. Когда она выбежала на улицу, ей захотелось потрогать мостовую, раскаленную, словно пески Сахары.

Перейдя площадь и увидев, что здания стоят целые и невредимые, а люди ведут себя совершенно обыкновенно, она успокоилась и перестала видеть в произошедшем нечто сверхъестественное. Возможно, в этом материковом городе под пустым небом, укрывшемся за спиной Европы, землетрясения были обычным делом. Однако, встретив на Каля-Викторией Беллу Никулеску, она воскликнула, позабыв об охлаждении в их отношениях:

– Белла, вы почувствовали землетрясение?!

– Еще бы! – по своему обыкновению ответила Белла. – Перепугалась до полусмерти. Все только об этом и говорят. Кто-то сказал, что это и вовсе не землетрясение, а взрыв в Плоешти. Дескать, британцы взрывают нефтяные скважины. Будем надеяться, это не так. Нам и без того проблем хватает.

Первое волнение от их встречи улеглось, и Белла в замешательстве огляделась, опасаясь, что кто-нибудь их заметил. Гарриет почувствовала, что зря остановила подругу. Не зная, что сказать, они собирались уже было взаимно извиниться и разойтись, как вдруг их внимание привлекло залихватское пение вдали. Гарриет узнала мелодию песни про капитана. К ним приближались люди в зеленых рубашках.

– Кто это? – спросила Гарриет.

– «Железная гвардия», конечно. Наши местные фашисты.

– Я думала, с ними покончено.

– Нам только так сказали.

Наконец Гарриет узнала в этих зеленорубашечниках юношей, которых нередко встречала весной, – изгнанников, вернувшихся с тренировок в немецких концлагерях. Тогда они шатались по городу, потрепанные и всеми презираемые. Теперь же они маршировали посреди улицы, вынуждая автомобили жаться к обочине, распевали свой гимн и выглядели крайне агрессивно и самоуверенно.

Как и остальные прохожие, Белла и Гарриет молча ждали, пока колонна пройдет мимо. С утра она успела вырасти. Все смотрели на хорошо одетых и натренированных предводителей. Те, кто следовал за ними, уже не могли похвастаться униформой и шагали не в ногу, замыкали же шествие настоящие оборванцы, явно присоединившиеся к «Гвардии» этим же утром. Некоторые были одеты в натуральное тряпье. Они шаркали, спотыкались, нервно поглядывали на прохожих и ухмылялись, а их участие во всеобщем пении ограничивалось выкриками «Саританул!». Для ироничных румын это было уже слишком. Люди начали отпускать замечания и фыркать, а потом и смеяться в открытую.

– Видели ли вы что-то подобное! – воскликнула Белла.

– А кто этот саританул? – спросила Гарриет.

– Ну как же, лидер «Гвардии» Кодряну. Тот самый, надо сказать, кого по приказу Кароля «застрелили при попытке к бегству». Вместе с ним застрелили множество его приспешников. Некоторым удалось бежать в Германию, но движение тогда распалось. Кто бы подумал, что у них хватит духу вернуться? Кароль уже совсем теряет хватку.

Из замечаний окружающих было ясно, что они думают так же. Колонна удалилась, автомобили поползли следом, а пешеходы двинулись по своим делам. Издалека еще периодически доносились возгласы «Саританул!», но потом стихли и они.

– Этого Кодряну пытались выставить героем, – рассказывала тем временем Белла. – Это, конечно, было непросто. Я его как-то видела. Омерзительное зрелище: сальные волосы

висят, да к тому же небрит. Кстати, вы недавно упоминали сына Дракеров. Забавное совпадение. Через пару дней мне пришло письмо от Никко, он тоже недавно о нем слышал. Его, оказывается, забрали в армию. (Дракер наверняка покупал ему отсрочку. Все они такие!) В общем, мальчик дезертировал, и теперь военные его ищут. Им приказано найти его во что бы то ни стало. Видимо, дело в деньгах, которые записаны на его имя. Его заставят отписать их.

– А если он откажется?

– Не посмеет. Никко говорит, что его могут расстрелять за дезертирство.

– Румыния же не воюет.

– Да, но в стране чрезвычайное положение. Объявлена мобилизация. В общем, его хотят найти. И тогда он уже точно исчезнет с концами. Что ж! – Белла выбросила из головы мысли о Саше и сменила тему. – Хочу поехать в Синаю¹⁹. Надоело сидеть в этой жаре и ждать, пока что-то произойдет. Я считаю, что ничего так и не будет. Надо, чтобы Гай отвез вас в горы.

– Мы не можем уехать. Он открыл летнюю школу.

– А кто у него учится в это время года?

– Довольно много студентов.

– Евреи, наверное?

– Да, в основном евреи.

Белла скривила губы и подняла брови.

– На вашем месте, дорогая, я бы не стала поощрять подобное. Если «Железная гвардия» снова разбухнет, сложно предсказать, что произойдет. В прошлый раз они охотились на еврейских студентов. К тому же они не только антисемиты: они и против британцев настроены.

Она кивнула с мрачным и значительным видом, после чего, удостоверившись, что произвела впечатление, просияла.

– Мне пора! – прошептала она. – Меня ждет парикмахерша.

Подняв руку, она прощально пошевелила пальцами и удалилась в сторону площади.

Гарриет не в силах была двинуться с места. Прохожие толкали ее, а она стояла, остолбенев от ужаса, перепуганная нависшими со всех сторон опасностями. Опасным было соседство Саши и Якимова, потенциального доносчика; она не знала, какая кара полагается за укрывательство дезертира, но воображала Гая в одной из тех жутких тюрем, про которые рассказывал Кляйн; еще более реальную опасность представляли марширующие по городу гвардисты.

Первым ее порывом было броситься к Гаю и умолить его закрыть летнюю школу, но она знала, что так поступать нельзя. Гай не обрадуется ее вмешательству. Он отобрал у нее роль в пьесе, так как «мужчина не может работать со своей женой». Она побрела куда-то, готовясь к решительным действиям, сама еще не зная каким.

Дойдя до Британского бюро пропаганды, она остановилась, потому что вспомнила про Инчкэйпа: тот при желании мог бы закрыть летнюю школу. Почему бы не обратиться к нему?

Несколько минут она разглядывала выставленные в окна фотографии линкоров и модель Дюнкерка. Они красовались здесь уже месяц, и не похоже было, чтобы в ближайшее время их чем-то заменили.

Она медлила не потому, что боялась Инчкэйпа, – она переживала из-за Гая. Ей уже приходилось прибегать к помощи Инчкэйпа для того, чтобы положить конец деятельности мужа. Из-за этого произошла их первая ссора. Готова ли она ко второй?

Самое важное, сказала она себе, что ее вмешательство в прошлом уберегло Гая от опасной ситуации. Возможно, сейчас такой же случай.

Она вошла в Бюро. Секретарша Инчкэйпа вязала, сидя за пишущей машинкой; при виде Гарриет она изобразила неуверенность. Возможно, господин директор слишком занят, чтобы принимать посетителей.

¹⁹ Синая – известный горнолыжный курорт в Румынии.

– Я его не задержу, – сказала Гарриет и взбежала по лестнице прежде, чем секретарша успела позвонить начальнику. Инчкейп в рубашке и брюках лежал на диване в окружении томов «A la Recherche du Temps Perdu»²⁰. Увидев ее, он неохотно поднялся и надел пиджак, висевший на спинке стула.

– Привет, миссис Пи, – сказал он с улыбкой, отнюдь не скрывавшей его раздражение.

Гарриет не была здесь с того дня, когда они с Гаем приходили посмотреть похороны Кэлинеску. Тогда здесь царил беспорядок, рабочие крепили полки. Теперь всё было выкрашено в белый цвет, полки уставлены книгами, а на полу лежал ковер нежного сизого оттенка. На бидермейеровском²¹ письменном столе среди открытых книг лежали рейтеровские²² газеты.

– Что привело вас сюда? – спросил Инчкейп.

– «Железная гвардия».

Он раздраженно-насмешливо смерил ее взглядом.

– Вы имеете в виду эту кучку ничтожных невротиков, которые только что прошли мимо? Не станете же вы утверждать, что они вас напугали?

– Нацизм начинался с кучки ничтожных невротиков, – заметила Гарриет.

– Это правда! – согласился Инчкейп, улыбаясь, словно думал, что она шутит. – Но в Румынии фашизм – это своего рода игра.

– В 1937 году еврейских студентов вполне всерьез выбрасывали из окон университета. Я боюсь за Гая. Он там совсем один, если не считать этих трех старушек.

– Есть еще Дубедат.

– Что толку от Дубедата, если туда ворвется «Гвардия»?

– За исключением тех редких случаев, когда сюда заглядывает Кларенс, я здесь совсем один, но не позволяю себе тревожиться из-за этого.

Гарриет хотела сказать: «Никому не нужно Бюро пропаганды», но вовремя сдержалась и вместо этого произнесла:

– Эта летняя школа – настоящая провокация. Там учатся одни евреи.

Хотя Инчкейп и сохранял на лице выражение учтивой скуки, губы его заметно напряглись. Он резко поддернул манжеты и стал разглядывать свои запонки.

– Думаю, Гай способен постоять за себя, – заметил он.

Его гладко выбритое наполеоновское лицо сделалось отстраненным: очевидно, он пытался скрыть раздражение. Гарриет умолкла. Она пришла сюда, будучи убежденной, что сама идея летней школы принадлежала Гаю, но теперь осознала свою ошибку. Инчкейп был влиятельным членом организации, в которой Гай надеялся сделать карьеру. Хотя Инчкейп и не вызывал у нее неприязни, – они сразу же нашли общий язык, – для нее он оставался величиной неизвестной. Теперь же она задела его гордость. Неизвестно, как он охарактеризует Гая в отчетах, которые отправляет на родину.

Раньше она критиковала Инчкейпа: «Меня удивляет его скаредность: он экономит на еде, но покупает за безумные деньги фарфор, чтобы впечатлить гостей».

Гай отвечал ей, что такими покупками Инчкейп заполняет эмоциональную пустоту своей жизни. Для него это было своего рода самовозвеличиванием. Видимо, то же относилось к летней школе.

Понимая, что повлиять на Инчкейпа не удастся, Гарриет решила польстить ему:

– Видимо, это *в самом деле* важно.

Мгновенно смягчившись, он поднял взгляд и заговорил уже совсем другим тоном:

²⁰ «В поисках утраченного времени» (франц.) – семитомный роман Марселя Пруста.

²¹ То есть выполненном в стиле Biedermeier, характерном для Германии и Австрии первой половины XIX века.

²² «Рейтер» – одно из крупнейших в мире новостных агентств, основанное в Лондоне в середине XIX века.

– Весьма. Это означает, что мы не побеждены. Наша мораль крепка. И нас ждет блестящее будущее. У меня много планов...

– Вы полагаете, у нас есть будущее?

– Разумеется, есть. Никто не будет нам противостоять. Румынская политика всегда заключалась в том, чтобы сидеть на двух стульях. Что же до немцев, для них главное – получить желаемое, а остальное им безразлично. Я так уверен в будущем, что выписал сюда старого друга, профессора лорда Пинкроуза. Он прочтет Кантакузеновскую лекцию.

Видя изумление Гарриет, Инчкейп удовлетворенно ухмыльнулся.

– Время напомнить о себе, – сказал он. – Традиционно в таких лекциях говорится об английской литературе. Так мы напомним румынам, что наша литература – одна из лучших в мире. И это прекрасное светское мероприятие. В прошлый раз у нас в первом ряду сидело восемь княгинь. – Он стал теснить Гарриет к двери. – Разумеется, подготовка – дело очень хлопотное. Мне надо будет найти зал и устроить Пинкроуза в гостиницу. Не знаю, один ли он приедет.

– Он может приехать с супругой?

– Бога ради, нет у него никакой супруги, – сказал Инчкейп таким тоном, словно брак был каким-то нелепым обычаем примитивных туземцев. – Но он уже не так молод. Возможно, с ним будет компаньон.

Открыв дверь, Инчкейп напоследок сообщил:

– Дитя мое, мы должны поддерживать баланс. Разумеется, это непросто, особенно когда сами мы плавимся от жары. Всего вам доброго.

Он закрыл дверь, и Гарриет вышла на улицу с ощущением, что ничего не добилась.

Незадолго до того, как гвардисты прошли мимо университета, к Гаю в кабинет пришла Софи Оресану. Раньше этот кабинет принадлежал Инчкейпу, и в письменном столе до сих пор хранились его бумаги, а полки были уставлены его книгами.

Софи с энтузиазмом присоединилась к летней школе. Теперь же она устроилась на подлокотнике кожаного кресла напротив Гая и сообщила:

– Не могу работать в такую жару.

Она безмятежно изогнулась, демонстрируя свое главное достоинство – фигуру, надула ярко накрашенные губы, после чего вздохнула и ткнула пальчиком в свою полную бледную щеку.

– В это время года в городе просто ужасно.

Равнодушно наблюдая за извиваниями Софи, Гай вспомнил подслушанную недавно беседу двух студентов:

– *Ничего хорошего в этой Оресану нет, обычная вертихвостка.*

– *Люблю таких!*

Он улыбнулся этому воспоминанию, глядя, как она ерзает на подлокотнике, поводя задом в его сторону. Бедняжка! Сирота без приданого, с вечной тягой к независимости, так вредившей ей в глазах румынского общества. Ей необходимо найти себе мужа. Вспомнив, как она огорчилась, когда он вернулся в Бухарест с женой, Гай ободряюще сказал:

– Другие студенты не вешают нос!

Она отмахнулась от самой мысли о других студентах.

– У меня нежная кожа, мне вредно солнце.

– Но в городе всё же безопаснее.

– Нет. Говорят, что русские довольны, так что теперь уже никаких проблем не будет. К тому же мне плохо в летней школе. Все студенты здесь евреи. Они настроены против меня.

– Да будет тебе! – рассмеялся Гай. – Раньше ты жаловалась, что румыны настроены против тебя, потому что ты наполовину еврейка.

– Это правда, – согласилась она. – Все против меня. Я всюду чужая. Румыны мне не нравятся. Они сидят на шее у женщин и презирают их. Все такие кичливые. А румынки такие дурочки! Сами хотят, чтобы их презирали. Если мужчина дает им *un coup de pied*²³, они только рады.

Софи закатила глаза, изображая чувственный экстаз.

– Я хочу, чтобы меня уважали. Я образованнее их, поэтому предпочитаю англичан.

Гай сочувственно кивнул. Сам он избежал женитьбы на Софи, но с радостью выдал бы ее замуж за какого-нибудь знакомого с британским паспортом. Он пытался пробудить в Кларенсе сочувствие к ее непростой судьбе, но тот отмахнулся, заметив:

– Обычная манерная прилипала.

Сама же Софи высказалась про Кларенса следующим образом:

– Как ужасно, должно быть, живет таким непривлекательным мужчинам!

Тем временем Софи продолжала жаловаться:

– Кроме того, в Бухаресте так дорого. Каждый квартал мое содержание просто разлетается. В прошлые годы, чтобы сэкономить, я сдавала квартиру и уезжала в какую-нибудь горную гостиницу. Я бы уже уехала, но мое содержание всё вышло.

Она умолкла и, жалобно склонив голову, уставилась на Гая, ожидая обычного «Сколько тебе нужно?».

Вместо этого он сказал:

– В следующем месяце придет содержание, подожди его.

– Мой врач говорит, что мне вредно для здоровья здесь находиться. Ты что же, позволишь, чтобы я умерла?

* Пинок (*франц.*).

Он смущенно улыбнулся. Гарриет заставила его увидеть недостатки Софи, и теперь он гадал, как сам их не разглядел. До женитьбы он давал Софи столько, сколько не мог себе позволить, и эти займы, никогда не возвращаемые, казались ему ценой дружбы. Теперь от него зависела и жена, и родители, и ему приходилось отказывать Софи. Последние несколько месяцев она вела себя сдержанно, и мысль о том, что придется снова говорить ей «нет», причиняла Гаю острый дискомфорт.

Приняв одну из тех умоляющих поз, которые она использовала в спектакле, Софи продолжала:

– Я хорошо потрудились в пьесе. Такой успех, конечно, приятен, но у меня мало сил. Я истощена. Я потеряла килограмм веса. Может, тебе и нравятся худые девушки, но здесь такое не считается красивым.

Так вот в чем дело! Она хотела оплаты за оказанные услуги. Он опустил взгляд, не зная, как теперь ей отказать. Его мысли обратились к Гарриет, хотя он и сам не понимал, несет ли образ жены защиту или угрозу. Впрочем, жену можно было использовать как оправдание. Софи знала, что от Гарриет она ничего не получит.

Гай понимал, что Гарриет намного сильнее его. Собственно, не то чтобы сильнее: он свято верил в свои принципы и не позволил бы ей взять верх. Но она могла проявить упорство там, где он сдавался, и, хотя он порой и противостоял ей, понимая, что иначе будет побежден, он всё же невольно поддавался под влияние ее здравомыслия и практичности. Возможно, тут играло свою роль и то, что он был в прямом смысле слова близорук. Он различал лица, только когда люди подходили совсем близко. Обычно же они напоминали булочки. Благожелательные булочки, полагал он, но Гарриет была с ним не согласна. Она ясно видела их, и они ей не нравились.

Гая тревожило, как критично она относится к его знакомым. Ему приятнее было любить людей: он понимал, что на этом основывается его влияние. Люди становились увереннее, чувствуя его приязнь, и любили его взамен. Еще он понимал, что влияние Гарриет может подо-

рвать его успех, и чувствовал себя обязанным противостоять ей. И всё же иногда он позволял ей проявлять упорство за них обоих.

Пока он размышлял об этом, Софи умолкла. Подняв взгляд, он увидел, что девушка наблюдает за ним, озадаченная и задетая тем, что он позволил ей так долго говорить, не прервав утешениями.

– Мне нужно всего пятьдесят тысяч, не больше, – сказала она уныло, безо всяких ужимок, и Гай вдруг увидел всю ее наивность. В прошлом он полагал, что Софи – несчастная жертва обстоятельств. Совсем юной ей пришлось бороться с миром в одиночку, не имея никакого оружия, кроме того, что давал ей ее пол. Она же всего лишь напуганный ребенок, подумал он, радуясь, однако, что у него не было при себе пятидесяти тысяч.

– Теперь Гарриет заведует нашим бюджетом, – сказал он как можно более непринужденно. – Она лучше меня управляет с деньгами. Если кто-то просит меня дать взаймы, я направляю всех к ней.

Выражение лица Софи резко изменилось. Она выпрямилась, оскорбленная тем, что Гай посмел упомянуть жену, и собиралась уже возмущенно удалиться, как вдруг ее внимание привлекло пение за окном. Там звучала мелодия «Capitanul».

– Но это же запрещенная песня, – сказала она.

Они подошли к окну и увидели, как мимо университета проходят люди в зеленых рубашках. Софи ахнула. Гай уже говорил на эту тему с агентами Дэвида и поэтому куда спокойнее отнесся к возрождению «Железной гвардии». Он ожидал, что Софи начнет возмущаться, но она молчала, пока последние марширующие не скрылись из виду, после чего заметила:

– Что ж, у нас опять будут проблемы.

– Ты же была в университете в 1938 году, во время погромов?

Она кивнула.

– Это всё было ужасно, конечно, но меня не трогали. У меня хорошая румынская фамилия.

Вспомнив, что злится на Гая, Софи резко повернулась и вышла, не произнеся более ни слова. Видимо, ее не очень впечатлило появление гвардистов, но Гай, вернувшись за стол, некоторое время просто сидел, чувствуя себя потерянным. Он понимал, что над ними сгущаются тучи.

Когда они обсуждали организацию летней школы, Гай сказал Инчкейпу:

– Есть только одна сложность. У нас будет много еврейских студентов. Они могут оказаться в опасном положении из-за растущего антисемитизма.

Инчкейп фыркнул:

– В Румынии всегда рос антисемитизм. А евреи здесь только богатеют.

Гай понимал, что не сможет продолжать спор, не выдав своих собственных страхов. Инчкейп, возглавив английскую кафедру, желал открыть летнюю школу. Ему надо было чем-то оправдать свое присутствие. Кроме того, он вечно соперничал с Миссией. Когда речь заходила о британском посланнике, Инчкейп говорил: «Если этот старик не боится здесь оставаться, так чего же бояться мне?» Если кто-то указывал на то, что посланник, в отличие от Инчкейпа и его подчиненных, находится под дипломатической защитой, Инчкейп отвечал, что, пока в стране есть Британская миссия, все они защищены.

Гай знал, что нравится Инчкейпу, а потому ему нравился Инчкейп. Кроме того, Инчкейп вызывал у него восхищение. Гай не особенно верил в собственную храбрость, поэтому его привлекали смелые люди вроде Инчкейпа и Гарриет. Однако порой ему бывало их жаль. В Инчкейпе он видел одинокого холостяка, у которого не было в жизни ничего, кроме власти. Если летняя школа радовала Инчкейпа, Гай был готов его поддерживать.

Гарриет же ему хотелось защитить от недоверия к миру, причиной которого было лишенное любви детство. «Прикрой ее от ужаса в душе»²³, – говорил он сам себе, тронутый ее хрупкой фигуркой, в которой скрывалась огромная сила воли. Однако ему казалось, что ей не повезло, поскольку жизнь для нее была невероятно сложна – та самая жизнь, которая давалась ему так легко.

Он взял в руки фотографию, прислоненную к чернильнице. Ее сделали на Каля-Викторией; это был обычный портрет из тех, что делают уличные фотографы, чтобы получить *permis de séjour*. На овальном большеглазом лице Гарриет была написана задумчивая печаль. Она выглядела лет на десять старше своего возраста. Это так контрастировало с ее обычным оживленным выражением лица, что, увидев фотографию впервые, Гай спросил:

– Ты в самом деле так несчастна?

Впрочем, она отрицала всякое несчастье. Однако этот портрет, очевидно, выдавал внутреннюю тревогу и смятение. Он поставил карточку обратно, терзаясь сожалением: он бы помог Гарриет, если бы она ему позволила, но позволит ли она?

Ему вспомнилось, как он попытался заняться ее политпросвещением, и она отмахнулась со словами «Не выношу упорядоченные мысли» и отказалась продолжать.

До брака она работала в художественной галерее и дружила с художниками – в основном бедными и непризнанными. Он сказал ей, что, живи они в Советском Союзе, их бы почитали и вознаграждали.

– Только если бы они подчинялись властям, – ответила Гарриет.

Гай стал спорить, утверждая, что в каждой стране людям приходится так или иначе подчиняться властям.

– Чтобы создавать что-то значимое, художники должны оставаться привилегированной стратой, – возразила она. – Они не могут повторять то, что им твердят. Они должны думать самостоятельно. Поэтому тоталитарные страны и не могут позволить себе художников.

Ему пришлось признать, что Гарриет тоже думает самостоятельно и не подпадает ни под какое влияние. Хотя обычно она была женственной и нетерпимой, ей был доступен широкий взгляд на жизнь. Она происходила из самого ограниченного, самого предубежденного класса – и всё же смогла вырваться за его рамки. Тем более жаль, что она отвергает веру, которая придает его жизни смысл. Он видел, как потеряна Гарриет, как она запуталась в анархии и детском мистицизме.

Чего она хотела? Этот вопрос был для него тем более труден, что сам он не хотел ничего. Владение чем-то смущало его и казалось предательством семьи, которая вынуждена была выживать на каких-то крохах. Во время учебы он подрабатывал преподаванием. Его мать тоже работала, и вместе они оплачивали жилье и кормили семью.

Он не завидовал никому, кроме мужчин, не обремененных никакими обязательствами, могущих всё бросить и уехать воевать в Испанию. Он поклонялся Интернациональным бригадам. По сей день он с волнением повторял про себя их стихи:

Великое родится в малом:
Мы дружбу водим с кем попало,
Твердят нам в школе день-деньской,
Как глуп и скучен люд простой,

И вот в Испании война дымится,
Пока Британия торгуется с убийцей

²³ Шекспир. Гамлет. Акт III. Сцена 4 (пер. А. Цветкова).

В отчаянной надежде откупиться...²⁴

Появление гвардистов напомнило Гаю о сходке чернорубашечников в его родном городе, о том, как избили его друга Саймона; тогда Гай понял, что однажды ему тоже придется заплатить за свои политические взгляды.

Саймон прибыл на ту сходку позже других и сел отдельно. Прочие сидели плотной группкой, и, когда они попытались прервать собрание, их вытолкали на улицу. Саймон остался внутри и с фанатичной, почти истерической смелостью пытался продолжать в одиночку. Защитить его было некому. Его вытащили через заднюю дверь к гаражам. Там его потом и нашли без сознания.

В то время историям о фашистских зверствах верили лишь наполовину. Для цивилизованного мира это было новшеством. Гая потряс вид израненного, покрытого кровоподтеками лица Саймона. Он сказал себе, что теперь знает, чего ждать, и с тех пор ни разу не усомнился, что однажды настанет и его черед.

Пока он сидел за столом, борясь со страхом, дверь кабинета со зловещей медлительностью приоткрылась. Гай уставился на нее. В кабинет просунулась чья-то лохматая голова.

– Привет, старина! – с игривой торжественностью сказал Тоби Лаш. – Я вернулся!

Гарриет, обуреваемая тревогой, шла домой, понимая, что надо действовать. Если ей не удалось справиться с одной опасностью, надо взяться за другую. Дома тоже было не всё ладно, но, по крайней мере, она не обязана это терпеть.

Она должна объяснить Гаю, что они не могут оставить у себя и Якимова, и Сашу. Он привел их сюда. Теперь пусть решит, кто из них останется, и выгонит второго.

Однако, войдя в гостиную и увидев Якимова, ожидавшего обеда, она приняла решение сама. Саша нуждался в их помощи и защите. Якимов же мог бы позаботиться о себе сам, если бы не его лень. Она решила. Якимову пора было уходить. Она сама его прогонит.

Развалившись в кресле, Якимов попил из бутылки *tuică*, которую Деспина купила утром. При виде Гарриет он неловко зашевелился и стал оправдываться:

– Взял на себя смелость открыть бутылку, дорогая. Буквально валюсь с ног. Эта жара меня доконает. Почему бы вам тоже не выпить?

Гарриет отказалась, но села рядом с ним. Якимов уже настолько привык к ее пренебрежению, что от этой неожиданной близости зарделся и трясущейся рукой подлил себе добавки.

Ей хотелось немедленно велеть ему покинуть квартиру, но она не знала, с чего начать.

Он сидел, скрестив ноги, и одна из его туфель была обращена в ее сторону. Ступня мелко тряслась. В дыру были видны кончики пальцев и рваный фиолетовый шелковый носок. Гарриет обескуражила потрепанность Якимова. Он старался держаться непринужденно, но его взгляд больших зеленых глаз то и дело обращался на нее, и она никак не могла найти слов.

– Что сегодня в меню? – спросил Якимов, чтобы завязать разговор.

– Сегодня постный день, – ответила Гарриет. – Деспина купила речную рыбу.

Якимов вздохнул.

– Сегодня утром я вспоминал блины, – сказал он. – Мы покупали их у Корнилова. Вам приносили целую стопку блинов. Нижний надо было мазать икрой, следующий – сметаной, потом снова икрой и так далее. А потом разрезать всю стопку. Ах!

Он сглотнул, словно воспоминание было настолько восхитительным, что его сложно было вынести.

²⁴ Гай цитирует сатирическую поэму английского поэта Эджелла Рикурда (1898–1982) «Обращение к жене государственного деятеля, сторонника Соглашения о невмешательстве в дела Испании».

– Не знаю, почему здесь нет блинов. Икры-то много. Свежая черная лучше всего, конечно.

Он выжидательно уставился на Гарриет, но, видя, что она не предлагает тут же приготовить блинов, отвернулся и продолжил, словно желая смягчить ее невежливость:

– Конечно, с русской белужьей икрой ничто не сравнится. Или с осетровой.

Он снова вздохнул и тоскливо спросил:

– Знаете, есть такие птички – овсянки? Вкуснейшие, не так ли?

– Не знаю. Мне не нравится, когда убивают мелких птиц.

Якимов был обескуражен.

– Но вы же едите курицу! Это тоже птица. Какое значение имеет размер? Важен ведь вкус. Не зная, что ответить, Гарриет взглянула на часы.

– Наш мальчик опаздывает, – заметил Якимов. – Чем он только занят в последнее время?

По его тону было ясно, что он чувствует себя заброшенным, поскольку Гай больше им не занимается.

– Он открыл летнюю школу в университете, – сказала Гарриет. – Вам, наверное, не хватает репетиций?

– Было весело, конечно, но дорогой Гай совсем нас загонял. Да и потом, из этого так ничего и не вышло.

– А что должно было выйти? Вы же не рассчитывали на карьеру актера? В чужой стране, во время войны...

– Карьеру? Даже и не думал о подобном.

Якимов так искренне удивился, что Гарриет поняла, что он рассчитывал только на пожизненную кормежку. Дело было в том, что он так и не вырос. Когда-то она подумала, что Якимов напоминает облако, которое под руководством Гая начало обретать форму. Но Гай оставил его, и Якимов, словно ребенок, которого забросили с рождением младшего брата, сам не понимал, что произошло.

– Я был рад помочь Гаю, – сказал он.

– Вы раньше не играли, так?

– Никогда, дорогая моя, никогда.

– А чем вы занимались до войны? У вас была какая-то работа?

Слегка оскорбленный подобным вопросом, Якимов запротестовал:

– У меня было содержание, знаете ли.

Видимо, он жил, изображая богатство, – уловка не хуже многих.

Чувствуя ее неодобрение, Якимов попытался исправить ситуацию:

– Подрабатывал по мелочам, конечно. Если случалось поиздержаться.

– И как вы подрабатывали?

Он заерзал от таких расспросов. Ступня его снова задержалась.

– Продавал автомобили. Самые лучшие, конечно: «роллс-ройс», «бентли»... У меня самого «Испано-Сюиза». Лучшие автомобили в мире. Надо вернуть ее. Прокачу вас.

– Чем еще вы занимались?

– Продавал картины, всякие безделушки...

– В самом деле? – заинтересовалась Гарриет. – Вы разбираетесь в живописи?

– Это было бы преувеличением, дорогая моя. Не претендую на звание профессионала. Помогал одному приятелю. У него была квартирка на Кларджес-стрит, мы вешали там картину, расставляли безделушки и приводили какого-нибудь толстосума, и я намекал, что не против сторговаться. «Ваш бедный старый Яки принужден расстаться с семейными драгоценностями» – что-то в этом духе. Это не работа, конечно. Так, небольшой приработок.

Он говори так, словно речь шла о какой-то уважаемой профессии, пока не поймал ее взгляд, и вдруг совершенно увял. Сев ровно и повесив голову, он уставился в опустевший стакан и забормотал:

– Мне со дня на день придет содержание, не беспокойтесь, я верну всё до гроша...

Оба они с облегчением услышали, что Гай вернулся домой. Он вошел в комнату, широко улыбаясь, словно приготовил Гарриет какой-то восхитительный сюрприз.

– Помнишь Тоби Лаша? – спросил он.

– Я счастлив видеть вас снова! Просто счастлив! – провозгласил Тоби, глядя на Гарриет с восторгом, словно это была долгожданная встреча после разлуки.

Она видела его только единожды и почти не помнила. Ей удалось произнести подходящий ответ, но на деле гость не впечатлил ее: лет двадцати пяти, ширококостный и неловкий. У него были резкие черты лица и грубая кожа, и вместе с тем казалось, что лицо было сделано из неподходящего, чересчур мягкого материала.

Посасывая трубку, Тоби обернулся к Гаю и выпалил:

– Знаете, что мне напоминает ваша супруга? Вот эти строчки Теннисона: «Она идет во всей красе, светла, как что-то там волны».

– Это Байрон, – сказал Гай.

– Господи! – Тоби зажал рот рукой, преувеличенно изображая стыд. – Вечно я путаю. Я не то чтобы не знаю, просто не помню.

Заметив Якимова, он бросился к нему с приветствиями и протянутой рукой. Гарриет ушла на кухню, чтобы сказать Деспине, что за обедом будет еще один гость. Когда она вернулась, Тоби со множеством избыточных шуточек описывал положение дел в столице Трансильвании, откуда только что сбежал.

Хотя Клуж уже двадцать лет находился под правлением Румынии, это всё еще был венгерский город. Жители только и ждали, когда всеми презираемый режим падет.

– Они даже не поддерживают немцев, – говорил Тоби, – просто ждут, когда вернуться венгры. И не хотят понимать, что следом за ними придут фашисты. Если сказать об этом вслух, они придумывают отговорки. Моя знакомая – еврейка – сказала: «Мы ждем этого не ради себя, а ради наших детей». Думают, что уже со дня на день всё случится.

Тоби стоял у открытого французского окна, и его потрепанный силуэт четко вырисовывался в лучах ослепительного солнечного света.

– Я был единственным англичанином там, и мне приходилось помалкивать, – продолжал он. – И что бы вы думали, случилось перед моим отъездом? Немцы назначили там гауляйтера – графа Фредерика фон Флюгеля. Пора делать ноги, сказал я себе.

– Фредди фон Флюгель! – радостно вмешался Якимов. – Мой старый друг! Мой дорогой друг. Когда я верну себе автомобиль, можем все вместе отправиться в Клуж и повидать Фредди. Он будет счастлив.

Тоби с открытым ртом уставился на Якимова, после чего потряс плечами, изображая приступ бешеного хохота.

– Ну вы и шутник, – сказал он. Якимов выглядел удивленным, но явно порадовался, что его сочли шутником.

За обедом Гарриет спросила Тоби:

– Вы планируете остаться в Бухаресте?

– Если удастся найти место учителя, – ответил он. – Я вольная птица, не принадлежу ни к какой организации. Приехал сюда сам, всю дорогу за рулем. Неплохое приключение вышло. Если у меня не будет работы, то и есть мне будет нечего. Всё просто.

Он умоляюще уставился на Гая:

– Слышал, у вас не хватает рук, вот и пришел.

Очевидно, речь об этом зашла не впервые, поскольку Гай всего лишь кивнул в ответ и произнес:

– Мне надо сначала узнать, что об этом думает Инчкейп.

Гарриет вновь осмотрела Тоби – не как учителя, но как потенциального соратника в трудные времена. На нем были тяжелые башмаки, серые фланелевые брюки с пузырями на коленях и мешковатый твидовый пиджак с кожаными нашлепками на локтях. Это была обычная гражданская одежда в Англии, однако на Тоби она смотрелась маскарадной. «Настоящий мужчина!»

В прошлый раз он прибыл в Бухарест, когда в очередной раз заговорили о вторжении, и он тут же в панике покинул город, однако с тех пор Гарриет хорошо узнала, что такое паника, и уже не склонна была осуждать ее у других. Как он отреагирует на нападение «Гвардии»? Это мужественное посасывание трубки, небрежный костюм... Наверняка в трудной ситуации он постарается выглядеть достойно. Она взглянула на Гая, который тем временем говорил:

– Если Инчкейп согласится, возможно, я смогу дать вам двадцать часов в неделю. На жизнь этого хватит.

Тоби благодарно склонил голову, потом спросил:

– А лекции?

– Нет, только преподавание.

– В Клуже я читал лекции по современной английской литературе. Нравится мне это дело.

Тоби глянул на Гая, словно старая овчарка, полная уверенности, что ей найдут занятие. Гарриет стало его жаль. Как и многие до него, он, верно, полагал, что Гая легко убедить. Правда же заключалась в том, что Гай мог быть абсолютно непреклонен. Даже если бы он и нуждался в лекторе, то выбрал бы того, кто не путает Байрона с Теннисоном.

– На днях, – медленно сообщил вдруг Якимов, оторвавшись от еды, – я подумал, что, как ни странно, вот уже год не видел бананов.

Он вздохнул. Принглы уже привыкли к подобным замечаниям, но Тоби так и покатылся со смеху, словно усмотрев в словах Якимова уморительную непристойность.

– Я раньше очень любил бананы, – скромно пояснил Якимов.

Когда с обедом было покончено и Якимов ретировался в свою комнату, Гарриет ожидала, что Тоби тоже уйдет. Но стоило ему наконец двинуться в сторону двери, как Гай удержал его:

– Оставайтесь на чай. По пути в университет мы можем зайти в Бюро, и я познакомлю вас с Инчкейпом.

Гарриет ушла в спальню. Она твердо вознамерилась заставить Гая действовать, пока еще чувствовала в себе на это силы. Она окликнула мужа, закрыла дверь и сказала:

– Ты должен поговорить с Якимовым. Заставить его уйти.

Гай был озадачен этим неожиданным напором, но покориться не пожелал.

– Хорошо, только не сейчас.

– Нет, *сейчас*. – Она преградила ему путь к двери. – Пойди и поговори с ним. Слишком рискованно держать его здесь вместе с Сашей. Пусть уходит.

– Если ты так считаешь, – неохотно согласился Гай, явно надеясь выиграть время. – Лучше тебе с ним поговорить.

– Ты его сюда привел, ты от него и избавься.

– Это очень сложно. Когда мы репетировали, было удобно иметь его под рукой. Он много работал и немало сделал для успеха. В некотором роде я ему обязан. Не могу же я просто взять и выставить его, раз постановка позади. Но ты – другое дело. Ты можешь быть с ним твердой.

– На деле ты просто хочешь переложить на меня все неприятные обязанности.

Ощувив себя загнанным в угол, Гай отреагировал с непривычной резкостью:

– Слушай, милая, у меня и так полно хлопот. Саша на крыше, Якимов вряд ли его увидит, а если и увидит, то наверняка не заинтересуется. К чему эти волнения? Извини, мне надо поговорить с Тоби.

Она выпустила его, понимая, что разговорами больше ничего не добьешься и что отныне так будет всегда. Если понадобится что-то сделать, ей придется справляться с этим самостоятельно. Такова была цена отношений, которые давали ей куда больше свободы, чем она рассчитывала. В конце концов, свобода была не такой уж и обыкновенной составляющей брака. Что касается Гая, ему не нужна была частная жизнь: он предпочитал жить общественной.

– Он безнадежный эгоист, – сказала она себе. Подобное обвинение потрясло бы поклонников Гая.

Она подошла к окну и высунулась наружу. Глядя на мостовую девятью этажами ниже, она вспомнила котенка, который выпал с балкона пять месяцев назад. Перед глазами у нее поплыло золото с голубым, и она прослезилась: ее вновь охватило то острое горе, которое она испытала, услышав о смерти котенка. Это был *ее* котенок. Он признавал ее и никогда не кусал, а она единственная не боялась его. Погружившись в воспоминания об огненном меховом шарике, который несколько недель носился по квартире, она расплакалась, повторяя: «Бедный мой котенок». Ей казалось, что она любила его так, как никогда и никого не любила, – Гай, во всяком случае, не позволял так себя полюбить.

Она не возвращалась в гостиную, пока не услышала, как Деспина расставляет посуду к чаю.

– Кто-то здесь точно объявится, – говорил тем временем Тоби. – Полагаю, миссия предупредит нас заранее?

У Гая не было ответа на этот вопрос, и ему это явно было безразлично.

– Самое главное – не паниковать, – сказал он. – Надо продолжать работу школы.

Тоби яростно закивал в знак согласия.

– И всё же нужно держать нос по ветру, – добавил он.

Якимов вышел к чаю в поношенном вышитом халате, и, когда Гай и Тоби ушли к Инч-кейпу, он, позабыв свои тревоги, развалился в кресле и принялся за оставшиеся кексы и бутерброды. Это была отличная возможность заявить: «Вы сидите у нас на шее с самой Пасхи, довольно, собирайтесь и уходите». На что Якимов сделал бы самое жалобное выражение лица и спросил бы: «Куда же идти бедному Яки?» На этот вопрос не было ответа четыре месяца назад – не было его и сейчас. Его кредит в Бухаресте был истощен. Его бы никто не принял. Чтобы избавиться от него, ей пришлось бы упаковать его вещи самостоятельно и выставить его за дверь. И в этом случае он наверняка уселся бы у порога в ожидании Гая, который впустил бы его обратно.

Опустошив тарелки, он потянулся и вздохнул:

– Пожалуй, приму ванну.

Он вышел, а Гарриет всё молчала. Понимая, что она не более Гая способна вышвырнуть Якимова на улицу, она решила зайти с другой стороны, а именно поговорить с Сашей. Возможно, мальчик полагал, что они, словно дипломаты, не подчиняются румынским законам. Нужно объяснить ему, что, укрывая его, Гай рискует так же, как любой другой. Как тогда поступит Саша?

Положение было отчаянным. Единственная надежда оставалась на то, что Саша вспомнит какого-нибудь друга, могущего дать ему приют, возможно кого-нибудь из однокашников-евреев. Существовала также его мачеха, которая заявила о своих правах на состояние Дракера. Кто-нибудь наверняка примет его.

Она вышла на кухню. Деспина сидела на пожарной лестнице, перекрикиваясь с другими слугами: до ужина у них оставался свободный час. Чувствуя себя здесь чужой, Гарриет про-

скользнула мимо служанки и стала подниматься по лестнице, но от Деспины ничто не ускользало.

– Правильно, – окликнула она Гарриет. – Навестите бедняжку! Ему там одиноко.

Деспина буквально усыновила Сашу. Хотя ей было сказано, что ему нельзя входить в квартиру, Гарриет не раз слышала, как они вместе смеются над чем-то на кухне. Деспина отмахивалась от ее страхов, говоря, что выдаст мальчика за своего родственника. Саша постепенно становился частью жизни этого дома и вскоре мог, подобно Якимову, окончательно здесь укорениться.

Возвышавшаяся над соседними домами крыша была залита жарким закатным солнцем. Жар не только изливался на цемент, но и исходил от него.

У парапета с северной стороны крыши выстроились деревянные сарайчики, напоминавшие купальни, пронумерованные так же, как и квартиры. Поднявшись на крышу, Гарриет увидела Сашу, который сидел рядом со своим сараем и бросал палку собаке – большой белой дворняге, которая, очевидно, жила здесь же. Увидев Гарриет, Саша вскочил. Собака замерла в ожидании, помахивая хвостом, словно грязным пером.

Чтобы как-то объяснить свой визит, Гарриет спросила:

– Как ты здесь устроился? Деспина за тобой смотрит?

– О да! – с готовностью ответил он и рассыпался в благодарностях за приют. Очевидно, ему не приходило в голову, что своим присутствием он подвергает их опасности.

Пока Саша говорил, Гарриет заглянула в его жилище. У этих сараев не было окон, и проветривались они только благодаря дыре в двери. На полу лежал соломенный матрас, который, видимо, раздобыла где-то Деспина, книги, которые принес Гай, и огарок.

До отъезда из Англии она не могла представить, как можно пережить морозную зиму или жаркое лето в такой лачуге. В Румынии, однако, она узнала, что миллионам людей подобное жилье показалось бы роскошью. Она шагнула внутрь, но там было так жарко и так плохо пахло, что она остановилась.

– Здесь очень тесно, – сказала она.

Саша извиняюще улыбнулся. Он прожил здесь всего несколько дней, но уже начал набирать вес. Когда они встретили его ночью на улице, Гарриет потрясло, каким грязным и опустившимся он выглядел. После того как он вымылся и надел одолженные Гаем рубашку и штаны, он стал напоминать мальчика, которого она когда-то встретила в доме Дракеров: с лица его исчезло выражение испуга, а на голове появилась тень прежней шевелюры.

Он не был хорош собой: длинный нос, близко посаженные глаза, длинная сутулая фигура, но в его облике было нечто деликатное, и при первой встрече он напомнил ей нервного зверька, пообвыкшегося в неволе. Благодаря этому он показался ей близким.

Гарриет чувствовала себя рядом с Сашей совершенно свободно. Она протянула ему руку и сказала: «Давай посидим», после чего забралась на низенький парапет, окаймлявший крышу. Отсюда открывался вид на весь город – крыши сверкали в знойном мареве, которое уже начало сгущаться и золотеть к вечеру. Саша прислонился к стене рядом с ней. Она спросила, как он объяснил свое присутствие слугам, живущим в соседних сараях.

– Деспина говорит, что я приехал из ее деревни, – ответил Саша.

Он несколько не походил на крестьянина, но вполне мог сойти за сына еврейского торговца. В любом случае никто, похоже, не обращал на него внимания. Деспина утверждала, что среди слуг в Бухаресте укрываются тысячи дезертиров.

– Сколько ты пробыл в Бухаресте до нашей встречи?

– Две ночи.

Он рассказал, что сумел оторваться от остальных в Черновцах и тайком сесть на товарный поезд, который довез его до столицы. По прибытии он попытался переночевать на привокзальном рынке, устроившись под одним из прилавков, но вскоре после полуночи его прогнали

нищие, которые привыкли там спать. Следующую ночь он хотел провести в парке, но там в очередной раз устроили облаву на шпионов. Преисполненные служебного рвения полицейские бродили по парку всю ночь, принуждая его то и дело искать новое укрытие.

Он не знал, что произошло с его семьей. Он писал из Бессарабии своим теткам, но ответа не получил. Добравшись до Бухареста, он отправился к своему бывшему дому, но увидел в окнах квартиры новые занавески и понял, что Драконы здесь больше не живут. На улицах ему встречались знакомые, но он так боялся повторного ареста, что не решался ни к кому подойти, пока не увидел Гая.

Во время этого рассказа Саша искоса поглядывал на Гарриет и улыбался – он уже совсем не выглядел несчастным.

– Ты знаешь, что твои родственники уехали из Румынии? – спросила она.

– Гай рассказал.

Если Саша и знал, что они сбежали сразу же, не заботясь об их с отцом судьбе, его это явно не тревожило.

Гарриет решила, что пора намекнуть на возможность переезда.

– Твоя мачеха еще здесь, разумеется. Может быть, она бы могла тебе помочь? Ты мог бы жить с ней.

– Только не это, – прошептал он в ужасе.

– Она же не причинит тебе вреда? Не выдаст?

– Пожалуйста, не говорите ей обо мне.

Он явно не допускал даже мысли о воссоединении с приемной матерью. Итак, этот вариант отпадал. А что же друзья?

– Ты, наверное, знаешь многих в Бухаресте, – продолжала Гарриет. – Неужели никто не найдет для тебя места получше?

Саша объяснил, что, поскольку он учился в частной английской школе, у него нет здесь старых друзей. А как же университетские товарищи? Саша покачал головой. У него были знакомые, но неблизкие. Ему не к кому было обратиться. Евреи нелегко сходились с людьми: в этом обществе, полном антисемитизма, им приходилось держаться настороженно, а Саша к тому же был отгорожен от мира своей большой семьей. Драконы сформировали собственный круг, безопасность которого зависела от власти Дракона. Его арест послужил сигналом к бегству. Замешкайся они – и могли бы серьезно пострадать.

Наблюдая за Сашей и раздумывая, что же с ним делать, Гарриет поймала на себе его взгляд и поняла, что его напугали ее вопросы. Он снова выглядел испуганным и затравленным, и Гарриет осознала, что она ничуть не более Гая способна выставить на улицу бездомного. Когда речь шла о человеческих нуждах, ее решимость куда-то испарялась.

Отвернувшись, Саша увидел собаку, которая терпеливо ждала его, сжимая в зубах палку, и протянул к ней руку. Гарриет тронул этот нежный жест. Она вдруг поняла, что мальчик ей небезразличен – так же, как рыжий котенок, как все те животные, которых она подбирала в детстве, поскольку они никому больше не были нужны. Гарриет задумалась, почему Якимов не вызывал в ней таких чувств. Возможно, потому, что ему не доставало невинности?

– С нами в квартире живет еще один человек, князь Якимов, – сказала она Саше. – Мы пока что не можем его выселить, ему некуда идти. Я ему не доверяю. Будь осторожен. Не попадайся ему на глаза.

Она слезла с парапета и сказала на прощание:

– Это жуткий сарай, но ничего лучше сейчас нет. Если Якимов съедет, а я надеюсь, что так и будет, – займешь его комнату.

Саша улыбнулся ей вслед. Все страхи были позабыты: он радовался, словно бродячий пес, который нашел себе приют и всем доволен.

На следующее утро одна лишь *Timpul* написала об «оборванцах в зеленых рубашках, над которыми смеялась вся Каля-Викторией». К вечеру, однако, интонации изменились. Все газеты неодобрительно написали о марше гвардистов, поскольку король объявил: если это повторится, военные будут стрелять по марширующим.

«Гвардия» вновь ушла в тень, но поговаривали, что причиной тому стала не угроза короля, а речь предводителя гвардистов Хории Симы, который недавно вернулся из Германии. Он посоветовал им спрятать зеленые рубашки и петь про капитана молча. Время действий еще не пришло.

Гвардисты снова стали бродить по улицам в ожидании сигнала – мрачные, потрепанные, враждебные. Весной Гарриет казалось, что их видит она одна, но теперь их заметили все: горожане восхищались, опасались, а евреев обуял ужас.

Часть вторая

Капитан

6

Отправившись в следующий раз к Саше, Гарриет захватила с собой миску абрикосов и свежий выпуск *L'Indépendance Romaine*. В газете объявили дату начала суда над Дракером. Эту новость затмило сообщение о том, что венгерский премьер-министр и министр иностранных дел отправились на аудиенцию к фюреру. Что задумали венгры?

За одиноким ужином Гарриет прочла статью о Трансильвании: «*Le berceau de la nation, le Cœur de la Patrie*»²⁵. Претензии Венгрии на эту территорию не упоминались, но в конце статьи автор вопрошал: разве недостаточно румыны пострадали в своих попытках сохранить мир на Балканах? Неужели от них потребуют очередной жертвы? И сам отвечал: нет, это невозможно. Всякие слухи о подобном надо немедленно опровергать.

В тот вечер Принглов пригласили на ужин к супругам-евреям, которые получили визу в США и хотели знать, как вести себя в англоязычном мире. Подобные приглашения были нередки. Хотя все свои знания об Америке Гай почерпнул из кино, он всегда был рад поделиться советом. Гарриет, однако, это уже наскучило.

– Иди один, – сказала она. – Меня там никто не ждет.

Ей хотелось снова навестить Сашу.

Взобравшись по железной лестнице на крышу, она была поражена великолепием закатного неба, расцвеченного переливами охряного, алого и лилового. Цемент светился, словно мрамор, но воздух был тяжелый, будто перед грозой, хотя грозы здесь бывали редко.

Саша сидел на парапете и что-то рисовал – одинокий напряженный силуэт. Вдруг он поднял голову и посмотрел в сторону собора, который был выстроен на холме и возвышался над городом. Его золотые купола пылали, и очертания рельефно выделялись на фоне меркнувшего сияния.

Заслышав ее шаги, он оглянулся и так просиял, увидев Гарриет, что она не стала даже придумывать повод для своего визита.

Она спросила, где собака.

– Она тут и не жила, – ответил Саша. – Деспина приютила ее для кого-то. Теперь ее отправили домой.

– А кто-то из слуг живет на крыше?

– Я здесь один.

Как она и думала, широко разрекламированные «вторые комнаты для слуг» призваны были поднять престиж этого дурно спроектированного дома, выстроенного на скорую руку. Никто не мог позволить себе лишнюю прислугу, да и не нуждался в ней.

Ей стало жаль мальчика, живущего тут в одиночестве.

– Это тебе, – сказала она, поставив миску с абрикосами на парапет, после чего взгляд ее упал на набросок собора, выполненный на цементе куском угля, который Саше принесла Деспина. – Хорошо нарисовано.

– Правда? – с энтузиазмом переспросил он. – Вам нравится?

²⁵ Колыбель нации, сердце отечества (*франц.*).

Он был так поражен ее оценкой, так доверял ей, что она устыдилась своей бездумной похвалы и стала разглядывать набросок внимательнее. Линии были размашистые, а неровная поверхность комически искажала пропорции.

– Да, очень нравится, – подтвердила она, и Саша заулыбался наивно и радостно.

– Значит, вам бы понравились вещи, которые я видел в Бессарабии, – сказал он. – Просто отличные.

Она устроилась на парапете и спросила:

– А где именно ты был в Бессарабии?

Он был на границе, в крепости, где было так же холодно, пусто и темно, как и в Средние века. В округе не было ничего, кроме деревни, состоявшей из двух рядов заброшенных хижин по обочинам размытой грязной дороги. Налеты здесь были такими частыми, что в этих краях селились только вконец отчаявшиеся: это было всё равно что жить у подножия вулкана. Зимой эту землю трепало бурями и метелями, а весной снег таял, и окрестности превращались в болото.

– Очень странная была деревня, – сказал Саша. – Там жили только евреи.

– Но почему они решили поселиться именно там?

– Не знаю. Возможно, их отовсюду выгнали.

Гарриет думала, что Сашу будет нелегко уговорить рассказать о пережитом, но он вел себя так, словно всё это было уже далеко позади. Теперь он считал Гая и Гарриет своей семьей и, ощущая себя в безопасности, болтал как ни в чем не бывало. Слушая его, она думала, что только простая душа могла бы так быстро восстановиться.

– А что за вещи ты видел в Бессарабии? Картины?

– Нет, рисунки. Это были вывески.

Он рассказал о евреях в той деревне: мужчины словно костлявые призраки в лохмотьях, женщины в черных шерстяных париках (они брили головы, поскольку мучились какой-то кожной болезнью, в других местах уже исчезнувшей). Держались они скрытно и раболепно, и Саша, привыкший, что евреи – самые богатые члены любого общества, был потрясен их поведением.

– Они даже читать не умели, – пояснил он. – Совершенно нищие, но прекрасно рисовали.

– И что это были за рисунки?

– Фантастические. Люди, животные, предметы, все невероятно ярких цветов. Я при любом удобном случае ходил на них посмотреть.

Казалось, что эти вывески были единственным его развлечением, и Гарриет спросила:

– А у тебя были какие-то друзья в армии?

– Я познакомился с одним деревенским мальчиком. Его отец держал кабак, куда солдаты ходили пить *туйса*. Это была обычная комната, очень грязная, но солдаты говорили, что этот человек – страшный жулик и купается в деньгах.

Саша описал этого мальчика – худого, бледного, в черной кипе, бриджах, черных чулках и ботинках. На гладких белых щеках проступал рыжий пух, а за ушами свисали традиционные рыжие кудряшки.

– Никогда не видел ничего подобного, – сказал Саша.

– Но так выглядят все ортодоксальные евреи, – заметила Гарриет. – Ты же видел их в Дымбовице?

Саша покачал головой. Он никогда не подходил к гетто. Тетки не разрешали ему ходить туда.

– А ты разговаривал с этим мальчиком? – спросила Гарриет.

– Пытался, но мало что получалось. Он говорил только на идише и украинском и очень стеснялся. Иногда он убегал, завидев меня на улице.

– А из солдат ты ни с кем не подружился?

– Ну... – Несколько мгновений Саша молча глядел вниз, потирая ладонью грубый край стены, а потом заговорил с трудом, словно через боль. – Был у меня один друг. Тоже еврей. Его звали Маркович.

– Он сбежал вместе с тобой?

Саша потряс головой.

– Он умер.

– Как это произошло?

Саша несколько минут молчал, и Гарриет поняла, что пережитое было настолько несовместимо с его прирожденной невинностью, что ему тяжело было возвращаться к этому опыту.

– Расскажи мне, – сказала она настойчиво.

– Ну... Сами понимаете, как тут всё устроено, – сказал Саша как бы буднично. – Если что-то случается, сразу говорят, что виноваты евреи. В армии было то же самое. Они винули евреев в потере Бессарабии. Говорили, что мы вызвали русских из-за новых законов против нас. Как будто они бы откликнулись! Это всё глупости, конечно.

Он коротко хохотнул и взглянул на нее, и эта неловкая попытка продемонстрировать мудренность опытом еще раз напомнила ей, как он на самом деле молод.

– Они плохо с тобой обращались? – спросила она.

– Не очень-то. Некоторые были приличными людьми. Тяжело было всем, кого мобилизовали. Бараки кишели клопами. Поначалу меня так искушали, что казалось, будто у меня корь. И кормили только маисом или фасолью, да и того доставалось мало. Деньги на еду были, но офицеры всё забирали.

– Ты поэтому сбежал?

– Нет.

Он снова взял уголь и начал подчеркнуть линии эскиза, который уже плохо был виден в меркнувшем свете.

– Из-за Марковича.

– Того, который умер? Что с ним случилось?

– Когда нас выслали из Бессарабии, мы ехали в поезде, и он ушел дальше по коридору и не вернулся. Я всех спрашивал, но все говорили, что не видели его. Пока мы ждали в Черновцах – мы три дня жили на платформе, потому что не было поездов, – сказали, что на путях нашли тело, наполовину съеденное волками. Один из солдат сказал мне: слышал, мол, что случилось с твоим другом Марковичем? Это его тело. Постерегись, ты же тоже еврей. Тогда я понял, что его сбросили с поезда. Мне стало страшно. Со мной могло случиться то же самое. Ночью, когда все заснули, я убежал по путям и забрался в товарный поезд. Он привез меня в Бухарест.

Пока они говорили, с площади донесся тонкий и ясный сигнал отбоя. Облака растаяли, обнажив бирюзовое небо, на котором начали проявляться звезды. Площадь освещали не только лампы, но и отблески этого неба, словно отраженного в водной глади.

Гарриет решила, что Саше на сегодня довольно вопросов. К тому же Гай должен был скоро вернуться. Она слезла с парапета и произнесла:

– Мне пора, но я приду еще.

Перед уходом она вручила Саше газету.

– Здесь говорится, что суд над твоим отцом начнется четырнадцатого августа. Чем быстрее это всё кончится, тем лучше. Может быть, его вообще оправдают.

Читать в сумерках было невозможно. Саша взял газету и сказал: «Конечно», но было ясно, что соглашается он только из вежливости. Они оба прекрасно понимали, что Дракера осудят, чтобы изъять его состояние в пользу короны. Что толку было надеяться на оправдание?

Гарриет пошла к лестнице, а Саша вернулся в свою хижину. Обернувшись, она увидела, что он уже зажег свечу и, стоя на коленях, склонился над расстеленной на полу газетой.

7

Стоило Якимову свернуть за угол, как он увидел большой желтый автомобиль, припаркованный у Миссии. Крыша была опущена, и силуэт автомобиля казался безупречным. Якимов прослезился.

– Старушка моя, – сказал он. – Любимая.

Он и сам не знал, относилось ли это к «Испано-Сюизе» или к Долли, которая когда-то сделала ему такой подарок.

Автомобилю было уже семь лет, но Якимов заботился о нем так, как и не думал заботиться о себе. Открыв капот, он оглядел мотор, после чего закрыл капот и погладил журавля, который взлетал, опустив крылья, с крышки радиатора. Он обошел автомобиль, удостоверился, что тот запылится, но не более того, а обитые свиной кожей сиденья «в отличной форме». Спасибо югославам, подумал он. Хорошо с ней обращались.

Он так долго любовался машиной, что Фокси Леверетт увидел его в окно, спустился и отдал ключи.

– Красотка, – сказал Фокси.

Даже в дни триумфа Якимова в пьесе Фокси не уделял ему особого внимания, держась со всеми одинаково благожелательно и небрежно. Однако во владельце «Испано-Сюизы» он был готов увидеть ровню, и это сделало его словоохотливым.

– Летела как птичка. Худшие дороги в Европе, но она держала уверенные шестьдесят. Если б у меня не было моего «Дион-Бутона», я бы предложил купить ее у вас.

– Не продал бы ее ни за какие деньги, дорогой мой, – сказал Якимов надменно. – В этой стране за нее и не дадут честную цену. Одна только рама стоила две с половиной тысячи фунтов. Работы Фернандеса. Просто совершенство. У меня уже была такая. Кузов из тюльпанового дерева. Видели бы вы. Тогда у меня был шофер, конечно. Носился с ней словно с чиппендейловской мебелью.

Якимов разглагольствовал некоторое время, слишком увлекшись, чтобы замечать невыносимую жару. Усы и волосы Фокси были цвета лепестков календулы, глаза – фарфорово-голубые, и под солнцем его кожа стала розовой, словно пион. Улучив момент, он прервал воспоминания Якимова:

– В Предаэле я залил двести литров. Осталось довольно много.

– Я у вас в долгу, дорогой мой, – стушевался Якимов. – Не знаю, сколько я должен, но, как только придет содержание, я всё вам отдам.

– Не беспокойтесь, – сказал Фокси.

Видя его спокойствие, Якимов решил попытать удачи.

– Хорошо бы ее помыть. У вас не найдется тысчонки?

Усы Фокси зашевелились, но он был загнан в угол и решил не сопротивляться, так что достал несколько купюр и сунул одну из них Якимову.

– Дорогой мой! – благодарно воскликнул Якимов. – Знаете, если вы достанете мне дипломатические номера, мы сможем возить что угодно. Не только деньги, знаете ли. Здесь есть спрос на рог носорога – это такой афродизиак. Продается в Турции. А гашиш...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.